

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Сергей КУЛАКОВ

НАПАРНИК

Сергей Кулаков

Напарник

«ЭКСМО»

2010

Кулаков С. Ф.

Напарник / С. Ф. Кулаков — «Эксмо», 2010

Бывший майор ГРУ, а ныне киллер экстра-класса Виктор Крохин берется за выполнение сложного контракта. Цель – сербский террорист Стоян. Заказчик – сверхсекретная международная организация. Для выполнения задачи киллеру нужен достойный напарник. Он останавливает свой выбор на бывшем сослуживце капитане Романе Морозове, несмотря на то что у Крохина с ним сложились весьма непростые отношения. Когда-то они были друзьями, но потом стали врагами. Казалось бы, идти на рискованное дело с недругом – самоубийство. Но Крохин от своего выбора не отказывается. У него созрел план: Морозова надо использовать втемную...

© Кулаков С. Ф., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Эгейское море, 15 июля 2008 г	5
Швейцария, 7 августа 2008 г	8
США, Майами, 12 сентября 2008 г	12
Где-то в Европе, 13 сентября 2008 г	15
Где-то в Европе, 14 сентября 2008 г	18
16 сентября	24
Берлин, Центральный вокзал, 19 сентября	26
Москва, 27 сентября, 14.40	27
Берлин, 27 сентября	36
Берлин, 27 сентября, 18.15	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Кулаков

Напарник

Эгейское море, 15 июля 2008 г

Огромная белоснежная яхта неторопливо рассекала высоким носом бирюзовые волны одного из самых романтических морей мира. По обе стороны то и дело проплывали ярко-зеленые, окаймленные белыми пляжами острова, то совсем крошечные и безлюдные, то обширные и величественные, украшенные либо останками храма, либо великолепной виллой. И все это: и море, и острова, и здания – лениво дремало под жарким полуденным солнцем в ожидании вечерней прохлады, когда жизнь, замершая на несколько часов, снова возобновит свое течение.

На яхте, однако, жизнь не останавливалась. Несколько молодых людей, три парня и три девушки, весело проводили время под навесом верхней палубы. Все они были не старше двадцати лет, все загорелые, красивые и беззаботные, как может быть беззаботна только не ведающая печалей юность.

– Смотри, Сэм, – вскинула гибкую руку одна из девушек, – какой милый домик!

– Где? – повел бронзовой шеей Сэм, апатичного вида гигант.

– Ну вон там, на горе! Смотри же. Туда, направо! Какой ты, право, непонятливый.

Видишь?

– Но ведь ты показываешь налево, Мэри, – кротко возразил Сэм.

Его приятели дружно рассмеялись.

– Не важно, куда я показываю, – топнула ногой Мэри. – Ты должен понимать, о чем я говорю! И если я говорю о доме на горе, ты должен сразу его видеть.

– Да вижу, Мэри, вижу, – проворчал Сэм. – Ничего себе домишко.

– Наверное, в нем живет какой-нибудь козлопас, – вставил черноволосый изнеженный красавец, по лицу которого было видно, что он живет только утолением собственных прихотей.

Его сосед, тощий верзила с искательным взглядом вечного прихлебателя, покатился со смеху:

– Ага, точно, Билли! Там только козлопасу и жить.

Мэри проигнорировала его, точно он был невидимкой, и смерила Билли недобрый взглядом:

– Не надо издеваться над простыми людьми. Не всем в жизни так везет, как тебе, Билли.

– Опять ты за старое, – сделал тот плачущее лицо. – Я тебя умоляю, Мэри!

Он позвонил в колокольчик. Когда на палубу выскочил официант, он распорядился принести мартини.

– А нам шампанское, – попросила одна из девушек. – Я ничего, кроме шампанского, в эту жару не могу пить.

– Выполняй приказания леди, Мартин, – кивнул Билли. – И поживее.

Официант молча поклонился и исчез.

– Пожалуй, до вечера мы налижемся в зюю, – заметил Билли. – Может, стоит последовать примеру греков и устроить себе сиесту? То бишь завалиться на боковую?

– Здравая мысль, – фыркнула усевшаяся в шезлонг Мэри. – Только как ты уснешь с бокалом в руке?

– Ты злока, Мэри, – сказал Билли. – Ты злишься на меня за то, что я богат и что эта яхта принадлежит мне. Хотя я не понимаю, в чем здесь моя вина.

– И вовсе я не злюсь, – возразила Мэри. – Но только зачем презирать простых людей? Если они бедны и вынуждены зарабатывать себе на жизнь тяжелым трудом, то они достойны сочувствия, но отнюдь не презрения.

– Что-то я не заметил, чтобы здесь кто-то тяжело трудился, – вставил тощий приятель Билли. – По-моему, здесь только и делают, что спят и стригут купоны с бедных туристов.

– Верно, Генри, – со смехом одобрил его Билли. – Иногда ты можешь сказать в точку.

Мэри презрительно покосилась на них, но ничего не сказала. Жара подействовала и на нее. Хотелось молча лежать в шезлонге и думать о чем-нибудь необязательном и приятном, отвечающем дремотному пейзажу за бортом.

Билли внезапно нагнулся и ухватил за ногу одну из девушек.

Та громко взвизгнула от неожиданности.

– Ох, Билли, ты напугал меня до смерти! Я уже подумала, что это какая-нибудь каракатица.

– Я и есть каракатица, – соорудил страшную рожу Билли. – Огромная морская каракатица. И я хочу утащить тебя на дно морское.

– А я не против, – кокетливо изогнулась девушка.

– Наведаемся в каюту, Синди? – предложил Билли, играя глазами. – Устроим себе сие-сту?

Он с улыбкой покосился на Мэри. Но та старательно делала вид, что спит.

Билли поднялся и подхватил Синди за талию. Генри смерил девушку завистливым взглядом. Узкие полоски голубой ткани выгодно подчеркивали ее роскошные формы и оттеняли золотистый загар. Так и казалось, что она сошла с обложки глянцевого журнала.

– Что-то мне не терпится, крошка, – сжимая ее в объятиях, прошептал Билли. – Идем быстрее.

– Только прикажи, чтобы в каюту принесли шампанское, – млея у него в руках, попросила Синди.

– Всенепременно, моя богиня...

Они уже начали спускаться вниз, целуясь и смеясь, когда вдали послышалось пронзительное зудение.

– Это еще что? – пробормотал Билли.

Из-за крохотного островка вырвался небольшой катер и начал стремительно приближаться к яхте.

– Может, что-то случилось? – сказал Генри, вытягивая длинную шею над бортом.

– Наверное, какой-то сумасшедший гонщик, – возразил Сэм.

– Охота ему в такую жару устраивать гонки? – подходя к борту и забыв о Синди, сказал Билли.

С каждой секундой катер становился ближе. Уже видны были хищные обводы темно-синих бортов. За штурвалом стоял человек в маске, и разглядеть его лицо даже в бинокль не представлялось возможным.

– Что за черт! – разозлился Билли. – Он несется прямо на нас!

До катера оставалось не больше двух кабельтовых, но он хода не сбавлял и направления не менял, устремляясь точно на яхту.

– Мистер Томпсон, – приник к переговорному устройству Билли, – вы видите катер?

– Вижу, сэр, – отозвался капитан.

– И что вы по этому поводу думаете?

– Я даже не знаю, сэр...

Генри вскочил и вцепился обеими руками в борт.

– Билли, да он спятил!

Девушки, сбившись в кучку, со страхом и недоумением смотрели то на приближающийся катер, то на хозяина яхты.

– Ерунда, – махнул рукой Билли. – Просто какой-то недоумок. Хочет пощекотать нам нервы.

Он покосился на Мэри.

– А может, это еще один завистник?

На этот раз никто не засмеялся. Даже Генри пропустил реплику Билли мимо ушей, с тревогой наблюдая за несущимся со страшной скоростью катером. На море стоял штиль, водная гладь была идеально ровной, и катер несся по ней, как шайба, пущенная сильной рукой.

– Билли! – простонала Синди.

Ее голос звенел от страха. В самом деле, катер был уже в сотне метров, но и не думал сбавлять скорость.

– Ничего, ничего... – бледнея, проговорил Билли.

– Эй, ты! – заорал Генри, махая руками. – Тормози!

Закричали и остальные, не выдержав напряжения. И даже Билли, отбросив гордость, вскочил на выступ борта и начал семафорить, скрещивая и разбрасывая руки.

– Стой, придурок! Ты не знаешь, с кем имеешь дело! Стой, я тебе говорю!

В этот миг человек в маске, управляющий катером, оставил штурвал и прыгнул в море.

Катер, управляемый автопилотом, помчался прямо на яхту.

Теперь уже все поняли, что происходит нечто ужасное. Девушки издали дружный вопль.

Генри, забыв об остальных, опрометью кинулся через палубу. Сэм пытался увлечь девушек подальше от борта.

Билли словно застыл в оцепенении, забыв слезть с выступа. Он смотрел на катер расширенными глазами, точно надеясь, что сейчас он отвернет в сторону.

Через секунду послышался скрежет удара, и вслед за тем чудовищной силы взрыв потряс яхту. В ее борту возникла зияющая дыра – казалось, его разрубили гигантским зубилом. Билли, полетевший за борт после удара, в мгновение ока исчез в пламени взрыва. Остальных разбросало кого куда.

Впрочем, что-либо разобрать в хаосе огня, дыма и хлынувшей со всех сторон воды было невозможно.

Разломанное судно недолго сопротивлялось. Нелепо завалившись на уцелевший бок, оно какое-то время держалось на плаву. Но не прошло и получаса, как на поверхности моря остались плавать лишь обломки снастей, газеты и пустые бутылки.

И лишь один Генри барахтался поблизости от места крушения, тщетно взывая к своим друзьям.

Швейцария, 7 августа 2008 г

Этот небольшой пансионат так удачно терялся на фоне обступающих его гор, что мало кто замечал его с первого взгляда. Только хорошенько присмотревшись, можно было различить двухэтажное вытянутое в длину строение, крытое черепицей, по форме и цвету напоминающее россыпи валунов с близлежащих склонов.

В этом заведении было тихо и торжественно, как и во всяком заведении, где пребывают высокопоставленные особы. А поскольку особы, проживающие в пансионате, были к тому же большей частью преклонного возраста, то тишина здесь стояла почти могильная. Во всяком случае, в часы послеобеденного отдыха ни единый посторонний звук не прерывал их сон.

Когда на территорию пансионата вкатил серебристый мини-вэн, стоял как раз такой «тихий час». И хотя многие жильцы по старости лет только делали вид, что спят, а на самом деле кашляли, хрипели и украдкой курили в своих номерах, они, чтобы досадить администрации, могли высказать претензии, на которые были невероятно щедры и изобретательны. Поэтому навстречу мини-вэну бросился выскочивший из дверей охранник и яростно замахал рукой, приказывая водителю остановиться.

Еще двое охранников встали непосредственно в дверях, так, чтобы были видны кобуры на их поясах. Пансионат охранялся весьма тщательно, и при случае на подмогу этим троим могли прибежать еще человек десять их сотоварищей, вооруженные кое-чем и посерьезнее, чем пистолеты.

Когда мини-вэн остановился, первый охранник с недовольным лицом подошел к кабине.

– Что вам нужно? – неприветливо спросил он.

Из мини-вэна выбрался молодой мужчина с небритым подбородком, потянулся, улыбаясь.

– Проверка электрооборудования, – пояснил он.

– Это с чего еще? – спросил охранник, заглядывая в кабину.

Там сидел водитель, пожилой уса́тый человек. Он устало кивнул охраннику.

– Мы не вовремя, шеф?

Охранник, не увидев более никого, кто мог бы таить потенциальную угрозу, обернулся к своим товарищам и отрицательно качнул головой. Те встали чуть свободнее, хотя глаз с мини-вэна не спускали.

– Кто вас направил? – хмуро спросил охранник. – У нас есть свой электрик, и, кажется, справляется он неплохо.

– Мы не чиним, мы проверяем, – улыбочиво объяснил молодой мужчина. – Компания «Энергономик», слышали про такую?

Охранник молча повел квадратным подбородком.

– Если в двух словах, то это государственная компания, занимающаяся повышением экономичности электроснабжения. Вы же знаете, сейчас повсюду идет борьба за экономию электроэнергии. Вот мы и посланы проверять, нет ли утечки в электрооборудовании.

– Придумают всякое, – буркнул охранник. – Можно взглянуть на ваши документы?

– Конечно.

Молодой мужчина вручил свои бумаги. Охранник начал неторопливо проверять.

– Эрик Бассе. Это вы?

– Да, я. Я, собственно, и послан компанией. Это просто водитель, он занимается только доставкой...

– Это понятно, – прервал Эрика охранник. – Пойдите здесь, я доложу старшему менеджеру.

Он захватил с собой бумаги и скрылся в дверях. За гостями остались присматривать два охранника у входа.

Чтобы не торчать на виду у всего пансионата – а из окон кое-где уже выглядывали любопытные, – Эрик залез в машину и закурил.

– Пустят? – односложно спросил водитель, глядя перед собой.

– А куда они денутся? – улыбнулся Эрик.

Через несколько минут из пансионата вышел унесший документы охранник. Эрик торопливо загасил окурок в пепельнице и выскочил ему навстречу.

– Все в порядке, – улыбнулся тот. – Можете работать.

– Я только захвачу оборудование.

– Валяйте.

Эрик вытащил из машины небольшой пластиковый кейс.

– Разрешите, – протянул руку охранник.

– Пожалуйста.

Эрик сам открыл кейс, и охранник имел возможность убедиться, что внутри находятся отвертки, провода, приборы – в общем, все то, что носит с собой любой профессиональный электрик.

– Больше вам ничего не понадобится?

– Больше ничего.

– Поднимите руки и разведите в стороны.

Эрик молча повиновался.

Охранник сначала ощупал его руками, затем огладил со всех сторон металлоискателем. Делал он это неторопливо и дотошно, будто желая продлить развлечение зрителям, скрывавшимся за окнами.

– По крайней мере, с безопасностью у вас полный порядок, – пошутил Эрик.

– На том и стоим, – серьезно ответил охранник.

Он выпрямился и кивнул на водителя, сидевшего за рулем:

– А этот?

– Он подождет в машине, если вы не возражаете.

– Ладно, пускай сидит. Пошли.

Эрик проследовал в низкий, но просторный холл. Здесь состоялся еще один разговор, на этот раз со старшим менеджером, мсье Делилем, после чего электрику было разрешено приступить к своим обязанностям.

– Только прошу вас не курить, – предостерег старший менеджер, уловив идущий от Эрика запах табака. – У нас лежат тяжелобольные люди, и курение здесь строго запрещено.

– Я все понимаю, мсье, – отозвался молодой человек. – Можете не беспокоиться.

– Роберт, проводите господина Бассе, – приказал мсье Делиль. – С вами он быстрее справится.

– Да, мсье, – кивнул охранник. – Что желаете осмотреть в первую очередь? – спросил он Эрика.

– Пойдемте в подвал, – сказал тот. – Сначала я должен проверить основной узел.

Роберт покосился на старшего менеджера. Тот кивнул.

– Прошу вас, – указал Роберт на одну из дверей.

Они спустились в подвал, где Эрик принялся осматриваться с большим интересом.

– Я думаю, вон тот самый узел, который вас интересует, – подсказал ему Роберт.

– Да, да, – рассеянно кивнул электрик.

Он повернулся влево.

– А там что?

– Где? – глянул Роберт в один из углов.

Эрик, не меняясь в лице, рубанул его ребром ладони по шее.

Закатив глаза, Роберт повалился на пол. Если он и был жив, то в очень слабой степени.

Молодой человек не мешкал. Не обращая внимания на электрический щит, который силится показать ему Роберт, он направился к системе вентиляции. Обнаружив распределительный клапан, он придвинул к нему свой кейс. После чего извлек из внутреннего кармана резиновую маску, весьма напоминающую противогаз, и натянул на голову. Плоский и тонкий шланг уходил в рукав, а сама маска была так тонка, что в сложенном виде вряд ли занимала места больше, чем блокнот.

Посмотрев на часы, Эрик нажал на невидимую кнопку возле ручки кейса. Послышалось сипение, словно где-то прорвало трубу с газом. Белая струйка вырвалась из верхнего угла кейса и ударила в вентиляционный клапан. Эрик на всякий случай обернулся, проверяя, не грозит ли ему опасность со стороны поверженного охранника, после чего сел на табурет и принялся ждать, размеренно дыша через маску.

Спустя десять минут он поднялся. Охранник все еще не подавал признаков жизни. Эрик перешагнул через него и двинулся наверх.

Теперь в пансионате царило действительно мертвое безмолвие. Спали все. Сон сморил кого на лестнице, кого в кресле, кого в коридоре.

Охранники, стоявшие снаружи и видевшие, что внутри происходит что-то неладное, кинулись в холл – и были мгновенно сражены газом.

Эрик поднялся на второй этаж и двинулся по коридору, внимательно изучая номерки на дверях. На лежащую у стены медсестру он не обратил никакого внимания, как не обратил внимания на старуху, которая выглянула из дверей да так и повалилась в проеме, застигнутая облачком газа.

Возле двери под номером двадцать пять Эрик остановился. Посмотрел по привычке вправо-влево, нажал на ручку и открыл дверь.

Палата, в которую он вошел, могла бы претендовать на номер в пятизвездочном отеле. Дорогие ковры, шикарная мебель, картины, хрусталь, позолота. Тот, кто здесь жил, обладал, по-видимому, немалым состоянием, поскольку пребывание в подобных апартаментах даже один день стоило баснословных денег.

В спальне на широкой кровати лежал пожилой человек в распахнувшейся на волосатой седой груди шелковой пижаме. Монограмма на кармашке как будто подтвердила тайные мысли молодого человека, поскольку он, глянув на буквы, удовлетворенно кивнул.

Он встал сбоку от постели и некоторое время изучал лицо старика. Это было значительное лицо. Мощный, с горбинкой нос, выдающийся подбородок, кустистые брови. Возраст этого человека давно перевалил за восемьдесят, но, учитывая тот уход, которым он был здесь окружен, он мог бы протянуть еще не один год. Его грудь размеренно двигалась в такт дыханию, руки свободно лежали вдоль тела, отчего казалось, что он просто крепко спит, – спит по своей воле, не подверженный воздействию газа.

Эрик Бассе в последний раз посмотрел на часы, затем встал коленом на край постели и придвинулся к старику. Взяв его одной рукой за подбородок, а другой за темя, он резким движением свернул ему шею.

Послышался сухой треск, будто переломили палку. Старик дернулся, его пальцы скребанули по простыне, послышался не то хрип, не то стон, но в следующую секунду он вытянулся, обмяк и затих.

Молодой человек отнял руки, выпрямился. Голова старика осталась запрокинутой вверх и вбок, челюсть отвисла, изо рта вывалился язык, покрытый беловатым налетом.

Полюбовавшись с полминуты на результаты своих трудов, молодой человек покинул номер, спустился вниз и вышел на улицу.

Сняв противогаз, он с удовольствием вдохнул полной грудью чистейший горный воздух и направился к машине.

– Готов? – спросил водитель.

– Да, – кратко отозвался Эрик, залезая в кабину.

Водитель кивнул, завел двигатель, развернулся и покатил прочь.

США, Майами, 12 сентября 2008 г

– Маа-ма, ну можно я съем еще одно мороженое? – низким, просительным голосом тянул кудрявый пятилетний крепыш в увешанной значками ярко-красной бейсболке. – Ну мама, ну пожа-алуйста...

– Отстань, Энди, – устало отмахивалась мать, высокая белокурая женщина того неопределенного возраста, который налагают на женщину частые роды и неустанная забота о потомстве. – Ты уже съел два, сколько можно?

– Три, – мстительно подсказала идущая рядом с ней девочка лет семи.

Она, в отличие от Энди, вертевшегося, как угорь, чинно шагала в ногу с матерью и одной рукой помогала ей толкать коляску со спящим младенцем.

– Даже три! – воскликнула мать. – Все, Энди, и не проси. Только после обеда.

Энди нахмурился и на минуту перестал вертеться.

– Лиза все врет, – сказал он сурово. – Она сама утром съела два мороженых, я видел, а сваливает все на меня. Она вруха – грязная муха!

Мать страдальчески свела брови.

– Этот мальчик меня убьет. Энди, как ты можешь так говорить о своей сестре?

– А чего она врет?! Сама обманывает, а сама на меня говорит. Вот придем домой, я ее вздую!

– Энди! – шепотом, чтобы не разбудить младенца, прикрикнула мать. – Если ты сейчас же не замолчишь, я не отпущу тебя на пикник к Чарльстонам.

Энди вскинул было на мать глаза, собираясь протестовать, но ее ответный взгляд показал, что на этот раз ему лучше смириться.

Он тяжело вздохнул, дернул себя за козырек бейсболки и начал яростно пинать всякие небольшие камешки и щепки, что попадались ему под ногу. Лиза, уловив мгновение, показала ему язык. Но, видимо, угроза лишиться пикника у Чарльстонов была столь значима, что Энди на это проявление чисто женского коварства только крепче сжал губы и что было сил наподдал по листу пальмы, кстати свалившемуся на тротуар.

– Миссис Гудвин, мы куда сейчас? – спросил идущий на два шага позади семейства крепкий мужчина. – В маркет или домой?

Несмотря на жару, он был в ветровке, под тонкой тканью которой порывы ветра четко обрисовывали рукоять пистолета.

– Надо посмотреть кое-что для Томми, – озабоченно сказала миссис Гудвин. – Я поручала сделать покупки Марии, но она все перепутала. Кажется, несколько раз объяснила ей, что для Томми нужна короткая пустышка, а она все равно купила длинную. Просто беда с этой прислугой!

– Значит, в маркет, – уточнил мужчина.

– Да, Рик, зайдём в маркет. А ещё в аптеку. Я хочу спросить лекарства для попугая. Что-то он совсем загрустил. Боюсь, как бы не заболел. Заодно и там посмотрю пустышку.

Рик, глаза которого были скрыты за черными очками, кивнул. Они подходили к переходу, и он начал привычно просеивать взглядом людей и машины, находящиеся в непосредственной близости от миссис Гудвин и ее детей.

– А он умрет? – спросил вдруг Энди.

– Кто? – не сразу поняла мать.

– Ну, попугай!

Лиза, подражая матери, страдальчески закатила глаза. Этот мальчик просто невыносим. Впрочем, как подсказывал ей серьезный жизненный опыт, все мальчишки таковы.

– Нет, малыш, что ты, – мягко отозвалась мать. – Он не умрет. Мы купим ему лекарство, и он поправится.

На минуту Энди затих, но потом снова пристал к матери:

– А сколько живут попугаи?

– Не знаю... – растерялась та, тщетно оглядываясь за поддержкой на Рика. – Лет десять, я думаю.

– Ух ты! – восхитился Энди. – Так долго.

Лиза только усмехнулась, услышав такую наивность. Ей уже было кое-что известно о возрасте, и она точно знала, что десять лет – не бог весть какой срок. Но она предпочитала держать свое мнение при себе. Она ходила в школу, и ей было известно, что хорошо воспитанные девочки не должны прилюдно хвастать своими знаниями.

– А давай пойдем в игрушечный магазин, – предложил неугомонный Энди. – Помнишь, мама, ты обещала мне купить нового робота?

– Мы тебе и купили его, – напомнила миссис Гудвин. – На прошлой неделе. Этот, как его? Человек-паук. Или ты забыл?

– Не Человек-паук, а Супермен, – насупился Энди. – И ничего я не забыл. Но ведь это было так давно!

Теперь усмехнулась и миссис Гудвин. Когда ее сын вот так морщил брови и дудочкой вытягивал губы, то отказать ему было невозможно.

– Ты слишком многого требуешь, Энди, – тем не менее сказала она. – Ведешь ты себя ужасно, а вот требуешь слишком много. Бери пример с Лизы. Твоя старшая сестра знает, что такое хорошее поведение.

Такое сравнение явно не вдохновило Энди. Он горько вздохнул, покосившись на торжествующую Лизу. Ну и задаст он ей, когда они останутся одни!

Они подошли к переходу, и миссис Гудвин строго приказала Энди взяться за поручень коляски.

Тот нехотя повиновался, поскольку полагал, что он достаточно взрослый для того, чтобы самостоятельно перейти дорогу.

– Ну, хорошо, Энди, – сжалилась мать. – Мы пойдем в магазин игрушек. Но только на минутку. Ты обещаешь вести себя хорошо?

– Да, мамочка! – просиял Энди.

Загорелся зеленый. Миссис Гудвин толкнула коляску и двинулась по бело-желтой зебре. В ярком солнечном свете ее полосы резали глаза, и Энди зажмурился, чтобы не ослепнуть.

Он только хотел сказать, что ему нужны солнечные очки, чтобы быть похожим на Мстителя – пистолет у него был, и не один, – как вдруг послышался визг колес и рев двигателя.

Энди поднял глаза и увидел, как прямо на него несется блестящая решетка радиатора. Автомобиль был так огромен, что заслонял собой всю дорогу. Он разрастался все больше и больше, и гул его мотора был громче, чем взлетающего самолета.

Вся семья застыла в оцепенении. Сорвавшийся с места джип, словно таран, налетал на беспомощную мать и ее детей, и ничто в мире не могло остановить его.

Из уст миссис Гудвин вырвался крик. Но все, что она смогла сделать, это расставить руки и присесть, как наседка, защищающая цыплят. Однако силы были слишком неравны, и через пару секунд все бы кончилось, если бы не начал действовать Рик.

Подхватив в охапку мать, детей и коляску, он отчаянным усилием вытолкнул их из-под колес джипа. Но край бампера зацепил его за ногу, и он покатился по асфальту.

Джип тем временем быстро удалялся, не делая попыток возобновить нападение.

Ободрав себе руки и колени, Рик кое-как остановился, выхватил пистолет и, лежа на боку, начал стрелять вдогонку джипу. Рев мотора дополнился грохотом выстрелов, и случайные прохожие начали в ужасе искать укрытие.

Рик все же куда-то попал. Ибо джип вдруг завихлялся, соскочил с дороги, врезался в прибрежный песок, резко завернул и, ударившись боком о пальму, остановился.

Рик, морщась от боли, поднялся и заковылял к джипу, держа его на мушке. Если бы он в этот миг видел глаза Энди, он бы понял, что Супермен, Человек-паук и Мститель – ничто по сравнению с ним.

Где-то в Европе, 13 сентября 2008 г

Человек сидел один в квадратной, обитой темными пластиковыми панелями комнате. Человек был сухощав, широкоплеч и сравнительно молод. Во всяком случае, ему вряд ли исполнилось сорок пять, а это, как известно, позволяет в наше время считать мужчину если не юношей, то уж не стариком точно.

Его черные волосы были густо убелены сединой. Узкий, красивой формы лоб прочерчен глубокими морщинами, тонкие губы плотно сжаты. Твердые скулы и острые челюсти выбриты до синевы, простая, темных цветов одежда опрятна и по-военному удобна. В линии чуть покатых плеч, в узловатых кистях чувствовалась немалая сила, но ровный взгляд черных, широко поставленных глаз говорил о том, что сила эта находится под неусыпным контролем.

Мужчина неторопливо двигал «мышкой» и перебирал клавиши компьютера, внимательно разглядывая что-то на экране монитора. Порой его губы бесшумно шевелились, и тогда он немного подавался вперед. Но о чем он шепчет и что именно разглядывает столь пристально, понять было невозможно. Несмотря на идеальную звукоизоляцию, мужчина даже наедине с собой не позволял себе сделать что-то такое, что так или иначе могло бы выдать предмет его текущего интереса.

Послышался стук в дверь.

Мужчина спокойно снял руку с «мышки» и перенес ее на рукоять «вальтера», лежащего чуть правее. Одновременно его взгляд столь же неторопливо перешел с экрана на дверь.

Левой рукой он нажал кнопку на столе.

Щелкнул взрезной замок, дверь толкнули снаружи, она распахнулась.

На пороге стоял высокий молодой мужчина с безнадежно небритым подбородком. Его лицо ничего не выражало, но человек, сидевший за столом, сейчас же догадался, что вести, им принесенные, вряд ли относятся к разряду благоприятных.

– Закрой дверь и подойди, – сказал он на французском языке.

Говорил он правильно, но акцент выдавал его славянское происхождение. Впрочем, даже не специалист в вопросе национальных различий мог бы догадаться по его внешнему виду, что его родина находится где-то в районе Балканского полуострова.

Небритый посетитель вошел и закрыл дверь. Только после этого мужчина, сидевший за столом, снял руку с «вальтера» и поместил ее себе на колено.

– Что, Эрик? – спросил он.

Эрик, остановившись перед столом и заложив за спину руки – стула в комнате не было, да здесь никто подолгу и не задерживался, – негромко произнес:

– Артур провалился.

Мужчина едва заметно нахмурился.

– Продолжай.

– Телохранитель успел среагировать. Открыл огонь по машине. Артур во время аварии получил контузию и попал в руки полиции.

Мужчина помолчал, глядя мимо Эрика. Его лицо было столь спокойно, что Эрику на секунду показалось, будто о нем и его сообщении начисто забыли.

Но тут хозяин кабинета глянул на него так, что Эрик вздрогнул.

– Что цель?

Эрик сожалеюще пожал плечами:

– Все живы, Стоян.

– Все?

Голос Стояна едва заметно повысился, и это, видимо, произвело на Эрика не самое лучшее впечатление.

– Я не знаю, как там оно было, – сказал он виновато, хотя вины его в случившемся не было и быть не могло, – но только, по нашим данным, все остались живы. Этот телохранитель оказался хорош...

Стоян вдруг побледнел, скрипнув зубами.

Эрик осекся на полуслове. В его глазах мелькнула тревога. Человек, сидевший перед ним, внушал ему безотчетный страх. Трудно было понять, что он сделает в следующую секунду. И хотя Эрику вряд ли грозила немедленная расправа, как некогда гонцам, принесшим дурную весть, но все же подобная мысль невольно закралась ему в голову.

– Он хорош, а мы плохи, – процедил Стоян. – Почему так случилось, Эрик?

Тот медлил с ответом, подыскивая подходящее слово.

– Не знаю, – наконец сказал он. – Должно быть, Артур ошибся с расчетами. Недооценил телохранителя. Или подвела машина. Не знаю...

Он замолчал, видя, что с каждым его словом плечи Стояна пригибаются все ниже к столу.

На какое-то время воцарилось молчание. Эрик не рисковал продолжать, а Стоян не торопился давать заключение произошедшему.

– Значит, Артур в руках полиции, – сказал он после того, как Эрик уже не надеялся услышать от него хоть слово.

Тот только кивнул, полагая, что лишний раз открывать рот – себе дороже.

– Надо думать, они постараются поставить его на ноги как можно быстрее, – неторопливо продолжал Стоян.

Эрик изобразил на лице полнейшее согласие.

– И постараются выбить из него как можно больше информации.

Эрик снова кивнул.

Стоян пристально, но спокойно смотрел на него.

– Вопрос в том, под каким углом они будут его допрашивать? Если дело ограничится полицией и Артур будет стоять на том, что это всего лишь случайный дорожный инцидент, они отстанут от него быстро. Но если кто-то раскопает, чья *она* жена, то допрос может пойти совсем в другом ключе. За Артура возьмется служба безопасности, и тогда...

Стоян замолчал, многозначительно глядя на Эрика.

Тот понял, что все-таки должен что-нибудь сказать. Хотя, будь его воля, он молчал бы и дальше.

– Артур человек проверенный, – сказал он, не отводя глаз от переносицы Стояна. – К тому же он знал, на что идет. Я думаю, они его не сломают.

Стоян кивнул.

– Это хорошо, что ты так думаешь.

Он на секунду глянул в монитор и тут же со странным выражением на лице отвернулся.

– Но я думаю иначе.

Положив руку на стол, между «мышкой» и «вальтером», он едва заметно вздохнул:

– Если за него возьмутся всерьез, он может не выдержать, Эрик. Ты не хуже меня знаешь, какие есть препараты.

– Но мы все проходили специальную подготовку, – осмелился возразить Эрик. – Ты же сам знаешь, что каждый из нас не боится сыворотки правды. Равно как и любых других видов пытки.

– Да, знаю, – подтвердил Стоян. – И я далек от мысли, что Артур расколется на первом же допросе. Но не мне тебе напоминать, Эрик, что у каждого человека есть свой предел.

Эрик хотел что-то сказать, но Стоян поднял руку.

– Мы не можем сидеть и надеяться, что Артур окажется тверже, чем я думаю, – безапелляционным тоном заявил он.

– Тогда, – спросил Эрик, – остается только одно?

Стоян кивнул.

– Эвакуация?

– Именно.

– Когда?

– Немедленно. Передай приказ: готовность два часа.

– Куда будем отходить?

– На базу «зет». Сообщи, чтобы нас там встречали.

– Понял. Я пойду?

– Иди.

Стоян нажал кнопку, машинально положив при этом правую руку на пистолет.

Когда Эрик вышел и дверь закрылась, он не сразу снял руку с пистолета. Морщины на переносице углубились, тяжелые складки у рта обозначились сильнее.

Но через минуту он встрепенулся. Лицо разгладилось, взгляд отвердел. Весь его вид как бы говорил, что ничего страшного не произошло. Да, бывают накладки, их не избежать. Но существуют всевозможные варианты развития событий, и то, что кажется тупиком, может оказаться запасным выходом.

Он шевельнул «мышкой», активизируя погасший монитор. Когда появилось изображение, подобие нежной улыбки тронуло уголки его сурово сжатых губ.

На экране отображалась черно-белая фотография, сделанная много лет назад. Один угол был не то оторван, не то обожжен, из-за увеличения отсканированного снимка лица различались не очень хорошо. Но Стоян не обращал внимания на дефекты. Он так часто разглядывал этот снимок, что видел его скорее внутренним, нежели наружным зрением.

На фоне кудрявых склонов виднелась белая стена дома. Перед ней стояла молодая темноволосая женщина в белой рубашке и длинной юбке. На руках она держала пухлощекого годовалого малыша. Еще один, лет трех, стоял возле нее, крепко уцепившись за подол. Женщина смеялась и, по-видимому, в момент съемки что-то говорила снимавшему. Малыш возле нее тарачил в камеру широко расставленные глазенки, застенчиво спрятав вторую руку за спину.

Стоян дотронулся пальцем до экрана, медленно провел им по лицу женщины, по головам малышей. Губы его прошептали какие-то слова, но какие – понять было невозможно.

Вслед за тем он переключил изображение и деловито защелкал кнопками.

Вызвав программу самоуничтожения, он задал нужное время, забрал «вальтер» и вышел из помещения.

Где-то в Европе, 14 сентября 2008 г

Пять лимузинов являлись с интервалом в пять минут. Один за одним они подъезжали к высоким кованым воротам, где после короткой проверки их пропускали внутрь, на широкую липовую аллею.

Аллея, протянувшись метров на триста, заканчивалась небольшой площадью, примыкающей к двухэтажному особняку замкового типа. То было прелестное здание. Стрельчатые французские окна, стены, увитые плющом, живописный портик у входа, островерхие черепичные крыши, лепные карнизы. Простота и шик, готика и современность, желание поразить и в то же время не переступить рамки хорошего вкуса.

Территория вокруг замка была тщательно убрана. Между булыжниками, которыми вымостили площадь, нельзя было заметить ни травинки. Кусты и деревья подстрижены так, что ни одна веточка, ни один листок не выбивались из своей кубовой или шарообразной формы, несмотря на налетающий на них время от времени ветерок. Казалось, это какое-то сонное царство, и из дверей замка, разбуженные шумом моторов, вот-вот посыплют пажи, фрейлины и ливрейные слуги.

Но нет, ничто не нарушало господствующей здесь тишины. Машины одна за другой останавливались на площади, расторопные телохранители открывали задние дверцы, выпуская своих клиентов, двери замка молча их поглощали, но никто не спешил выбежать им навстречу, распахнуть гостеприимные объятия, развлечь веселой шуткой или участливым разговором.

Впрочем, слуга нашелся. Был он, правда, не в ливрее, а в строгом черном костюме. Но он так монотонно открывал и закрывал входные двери, что казался скорее придатком к зданию, нежели живым существом.

Однако тем, кто приехал сюда, было не до веселья. Один за другим они поднимались по мраморной лестнице, входили в зал и садились за круглый стол.

Когда свое место занял пятый, и последний гость, один из уже сидевших, лысый старик в тяжелых очках на хрящеватом носу, сделал знак кому-то невидимому.

Массивная дверь тотчас закрылась.

– Итак, господа, – сказал старик звучным, властным голосом, – все в сборе. Пожалуй, начнем?

– Начинайте, господин Председатель, – кивнул ему невысокий мужчина с седым бобриком волос на крепком прямоугольном черепе.

В отличие от Председателя, который был известен ограниченному кругу лиц, физиономию этого человека хорошо знали во всем мире. Его снимки не сходили с полос газет и журналов, он давал многочисленные телевизионные интервью и принимал самое активное участие в политической жизни многих стран. А когда где-то разразился финансовый кризис, все были склонны считать, что это именно он приложил к нему свою руку. И зачастую так оно и было.

– Благодарю вас, господин Финансист, – церемонно поклонился ему Председатель.

Собравшиеся в этом зале называли друг друга только по кличкам. Помимо Председателя и Финансиста, здесь были Советник, Политик и Банкир. Почти все они были известными людьми, и, естественно, все имели в миру имена собственные. Но здесь они значились только под безличными прозвищами.

Когда один из них выбывал из списка – по причине смерти либо еще по какой-нибудь причине, – ему тотчас подбиралась замена, которой автоматически присваивалась кличка предшественника. Таким образом, состав кворума никогда не менялся, как не меняется маска, чья бы личина за ней ни скрывалась.

– У нас на повестке дня только один вопрос, господа, – заговорил Председатель. – Я сожалею, что мы должны тратить время на его обсуждение, но ситуация сложилась так, что я счел нужным собрать вас всех для принятия безотлагательного решения.

– Мне кажется, – вставил представительный, римского типа, цветущий мужчина, – можно было провести селекторное совещание. Что до меня, то подобные вопросы я привык решать посредством компьютерной связи. По-моему, для того она и изобретена.

– Вы, безусловно, правы, господин Политик, – ответил ему Председатель. – Компьютерная связь – прекрасная вещь. Но, смею вам напомнить, именно благодаря ей происходит утечка информации, последствия которой бывают весьма драматичны. Поэтому не взыщите с меня за то, что я решил провести собрание по старинке, не доверяясь технике.

– Я полагаю, вы поступили правильно, господин Председатель, – подал голос рослый мужчина с тусклым взглядом и породистыми брылами на длинном лице.

– Благодарю вас, господин Советник, – снова церемонно поклонился Председатель.

На этом с прениями было покончено. Собравшиеся были слишком опытны и слишком ценили свое время, чтобы тратить его на пустопорожние разговоры.

– Итак, я коротко изложу ход событий, – сказал Председатель, положив перед собой листок бумаги. – Пятнадцатого июля сего года яхта, на которой находился мой внук, была потоплена в Эгейском море. То, что ее именно потопили, а не то, что это был несчастный случай, нам удалось доподлинно узнать от чудом спасшегося приятеля моего внука.

Голос Председателя слегка дрогнул, но он быстро справился с собой. Присутствующие сделали вид, что ничего не заметили.

– Далее, – твердым голосом продолжил Председатель, – седьмого августа сего же года в Швейцарии был убит тесть господина Банкира.

Все посмотрели на Банкира, круглоголового, невзрачного мужчину лет пятидесяти, чей взгляд остро поблескивал сквозь стекла очков. Тот ограничился лишь кратким кивком, давая слово докладчику.

– То, что это было именно убийство, – помолчав, продолжил Председатель, – доказывает характер преступления. Как и в случае с яхтой, нам удалось ввести прессу в заблуждение. Однако после этого инцидента стало ясно, что на наших родственников кто-то целенаправленно охотится.

Он обвел собравшихся пристальным взглядом.

– Мы попытались принять меры к их защите. Но те, кто объявил нам войну – а я не знаю, как иначе назвать происходящее, – избрали для своих ударов заведомо трудно защищаемую область. Зная, что мы для них неуязвимы, они начали преследовать наших близких. Увы, таковых слишком много, и обеспечить всем должный уровень охраны невозможно. К тому же мы не знаем, как долго надо держать охрану, где будет нанесен очередной удар и, в конце концов, каковы требования тех, кто за этим стоит.

– Надо полагать, – негромко вставил Банкир, – рано или поздно мы об этом узнаем.

– Несомненно, – подтвердил Председатель. – Но боюсь, что до того времени мы потеряем большую часть наших родственников.

Политик едва заметно улыбнулся:

– Думаю, до этого все же не дойдет.

– Как знать, – желчно возразил Советник. – Вы пока никого не потеряли.

– Но и вы, насколько мне известно, тоже, – с отменной вежливостью возразил Политик.

– К вашему сведению, господин Политик, – вмешался Председатель, – два дня назад в Майами на жену племянника господина Советника и ее детей было совершено покушение. И если бы не случайность, они все сейчас были бы мертвы.

У Политика вытянулось лицо.

– Извините, господин Советник, я не знал.

Коротким кивком Советник дал понять, что принимает извинения.

– Теперь, когда ситуация более-менее ясна, прошу, господа, высказывать свое мнение, – завершил свой короткий доклад Председатель.

Первым, как человек наиболее темпераментный – хотя бы в силу своих профессиональных занятий, – отреагировал Политик.

– Нам решительно ничего не известно о тех, кто на нас нападает?

– Почти ничего, – отозвался Председатель.

– Почти – это как?

Председатель, словно чего-то смутившись, опустил глаза, но затем снова их поднял и твердо взглянул на собравшихся.

– Видите ли, господа, год назад пропал один из моих доверенных людей... Некто Стоян Молкович, серб по национальности. Он работал в Совете безопасности и, пользуясь моим особым доверием, выполнял некоторые деликатные поручения. В том числе касающиеся Соглашительной комиссии.

В зале воцарилось глубокое молчание. Четверо мужчин внимательно смотрели на Председателя. Время, столь ценное всеми, как бы остановилось.

– И что же с ним не так? – нарушил молчание Политик.

Председатель вздохнул.

– Год назад он погиб. Утонул в море. Я был уверен, что это несчастный случай.

– Тело нашли? – резко спросил Финансист.

– Нет. Но по ряду признаков было установлено, что он утонул.

– А теперь, – спросил Политик, – вы полагаете, что он воскрес?

– Пока я ничего конкретного по этому поводу сказать не могу. Тогда его гибель не вызвала у меня каких-либо подозрений. Должность у него была небольшой, допуска к сверхсекретной информации он не имел...

– Кроме той, что ему стало известно о существовании Комиссии, – желчно вставил Финансист.

– Вы же знаете, что мы не можем жить в вакууме, – развел руками Председатель. – Есть люди, которые готовят наши встречи и отвечают за нашу безопасность. Стоян был одним из таких людей. Он прошел полную проверку, и его кандидатура не вызвала сомнений.

– Тогда, быть может, мы зря тратим время на обсуждение столь незначительной персоны? – спросил Банкир.

– В самом деле, – поддержал его Советник, – для чего вы завели о нем разговор, господин Председатель?

– Видите ли, – поправив очки, отозвался тот, – все дело в биографии Молковича. Вся его семья, включая малолетних детей, погибла во время балканской войны. И я думаю, он может быть тем человеком, который решил отомстить нам, зная, что это именно нашими стараниями был развязан конфликт на Балканах...

– Сумасшедший мститель, – кивнул Политик. – Очень интересно!

– Но каким образом, – перебил его Финансист, – подобный человек попал в ваше окружение?

– Ему удалось скрыть некоторые факты своей биографии, – ответил Председатель. – И только сейчас, когда после совершенных нападений я дал задание проверить его прошлое более тщательно, всплыли ранее неизвестные факты. Я сожалею, господа.

– Что ж, по крайней мере, мы знаем, кто организовал покушения, – подытожил Банкир.

– Да, – кивнул Финансист. – Но не один же он все это провернул!

– Значит, – подхватил Политик, – существует некая организация. И, судя по масштабам нападения, довольно серьезная организация.

Собравшиеся обменялись быстрыми взглядами.

– На моей памяти это не первая организация, которая хочет свести с нами счеты, – заметил Финансист.

– Да, – согласился Политик. – Но предыдущие пытались охотиться на нас. Эта же выбрала гораздо более уязвимую цель. И пока действует успешно. Надо сказать, в тактической смекалке им не откажешь.

Он спохватился, глянув на Председателя.

Однако тот никак не проявил своих чувств.

– Не совсем, – спокойно возразил он. – Два дня назад был задержан человек, совершивший покушение на жену племянника господина Советника. Слава богу, к этому времени мы успели разослать предупреждения, и этого человека не отпустили, хотя со стороны все выглядело как несчастный случай.

– Где он сейчас? – спросил Банкир.

– Содержится под усиленной охраной в отделении ФБР. Приняты меры к тому, чтобы он не покончил жизнь самоубийством.

Все удовлетворенно кивнули.

– Вы хотите поручить это дело ФБР? – поинтересовался Финансист.

– Вот об этом я хотел с вами посоветоваться. Дело требует особого подхода, и боюсь, что ФБР – не совсем то, что нам требуется.

– Государственный аппарат сюда лучше не впутывать, – сейчас же заявил Банкир.

– Согласен, – кивнул Советник.

– Будет ли результат, неизвестно, а утечка информации гарантирована, – высказал и свое мнение Политик.

– Тогда кого задействуем? – спросил Председатель.

– Если мы не хотим прибегнуть к услугам госорганов, нам стоит обратиться к частному лицу, – сказал Финансист. – Частное лицо обладает рядом преимуществ перед госслужащими. Его не сдерживает буква закона, что придает его действиям оперативность. Он работает в одиночку, что гарантирует сохранение тайны следствия. И ему не надо ни перед кем отчитываться.

– Кроме нас, я полагаю, – улыбнулся Политик.

– Ну, разумеется, – согласился Финансист.

– Да, – кивнул Председатель, – частное лицо – это то, что нас наиболее устроило бы.

Общее молчание послужило согласием к сказанному, и он продолжил:

– Но как найти подходящего человека? Я понимаю, профессионалов хватает. Но у нас – особый случай. Здесь упор не столько на сноровку сыщика, сколько на умение соблюсти абсолютную конфиденциальность. Право, я затрудняюсь...

– У меня есть такой человек, – заявил Советник.

– Мы можем узнать, о ком вы говорите? – спросил Председатель.

– Само собой. Он русский. Работал на ГРУ, затем был завербован Аль-Каидой и перевербован ЦРУ. Считается, что на данный момент он работает на ЦРУ. Хотя мне доподлинно известно, что он работает только на себя.

– Это мне нравится, – пробормотал Политик.

– Практически в одиночку он выполнил ряд заданий головоломной сложности. Он из разряда тех людей, у которых нет сдерживающих факторов. Он не знает сомнений и совершенно неразборчив в методах работы.

– Как же мы сможем его контролировать, если у него нет сдерживающих факторов? – с ноткой тревоги в голосе спросил Председатель.

– Деньги, – негромко сказал Банкир.

– Совершенно верно, – кивнул Советник. – Если он будет уверен, что получит за свои услуги соответствующее вознаграждение, он будет целиком в нашем распоряжении. Насколько мне известно, он ни разу не подвел своего работодателя.

– Всякий раз им были вы, господин Советник? – как бы невзначай поинтересовался Политик.

– Скажем так, его деловые качества я знаю не понаслышке, – с чисто дипломатической ловкостью уклонился от прямого ответа Советник.

– Хорошо, – кивнул Председатель. – Но что, если этот ваш кандидат, узнав о существовании Согласительной комиссии, попробует шантажировать нас? По вашим словам, это негодяй еще тот.

– Возможно, он и негодяй, – не стал спорить Советник, – но он – умный человек. Если мы не поскупились, а я не вижу причин, по которым мы должны скупиться, он удовлетворится тем, что получил. Ибо прекрасно понимает, что, выступив против нас, он в конечном итоге проиграет. А он не любит проигрывать. Он слишком привязан к жизни и слишком любит деньги, чтобы расстаться и с тем, и с другим по собственной глупости.

– Мне нравится ваш кандидат, господин Советник, – высказался Банкир. – Нет ничего лучше, как иметь дело с человеком, твердо знающим себе цену.

– К тому же господин Советник так красноречиво его отстаивает, – улыбнулся Политик. – Я – за.

– Я тоже за русского, – кивнул Финансист.

Таким образом, слово осталось за Председателем. Хотя и так было понятно, что кандидатура Советника прошла. Пятерка, составляющая кворум, выносила решения простым большинством голосов, и в данный момент этих голосов собралось уже четыре. Поэтому Председателю осталось только подтвердить свое согласие, что он и сделал, не внося разлада в работу Комиссии.

– Как нам его называть? – лишь спросил он.

– Мистер Смит.

Улыбка пробежала по лицам собравшихся и тут же погасла. Даже имя этого человека говорило о том, что свои дела он предпочитает вершить в глубокой тайне.

– Поскольку мистер Смит ваш человек, господин Советник, то и контроль за ним осуществлять вам, – заметил Финансист.

– Само собой, – отозвался Советник.

Он повернулся к Председателю:

– Теперь у меня к вам просьба, господин Председатель.

– Я слушаю вас.

– Человек, которого задержали в Майами, должен быть передан Смицу. Пока это единственная ниточка, и я думаю, он сразу за нее возьмется.

– Разумеется.

– Прошу вас также, господин Председатель, – продолжил Советник, – немедленно отдать распоряжение на этот счет. Не то американские бюрократы будут тянуть месяц. А у нас счет идет на дни.

– Я понимаю, – кивнул Председатель. – Считайте, задержанный в руках вашего человека. Это все?

– Да, я думаю, все. Далее Смит будет действовать самостоятельно.

– А деньги? – негромко напомнил Банкир.

– Обычно он берет за услуги от одного до трех миллионов фунтов стерлингов. Но, думаю, в данном случае он запросит не менее десяти.

– Если бы всегда наши проблемы стоили нам так дешево, – хмыкнул Политик.

– Сколько бы он ни запросил, передайте ему, что он все получит сполна, – сухо ответил Председатель. – И потрудитесь напомнить ему, что в данном случае конфиденциальность ставится на первое место.

– Да, конечно, – кивнул Советник. – И последнее.

Он помедлил, призывая всех оказать должное внимание тому, что он сейчас скажет.

– Как поступить с враждебной нам организацией? Надо ли кого-нибудь из руководства оставить в живых или... уничтожить всех?

– Зачем нам лишняя морока? – пожал плечами Политик. – Лично мне никто из них не интересен.

– Я тоже не имею желания знакомиться с этими господами, – быстро сказал Банкир. – Тесть мне, конечно, дорог, но самолично рубить головы я не намерен.

Финансист отрицательно покачал головой.

– Достаточно будет того, что мы узнаем имена этих людей, – поколебавшись, проворчал Председатель.

– Таким образом, вопрос решен? – спросил Советник.

– Я полагаю, да, – выдержав небольшую паузу, кивнул Председатель.

Его слова как бы подвели итог совещанию. Тотчас же собравшиеся начали расходиться, выдерживая интервал строго в пять минут. Всякие разговоры прекратились, все уже мысленно занимались своими делами.

Последним в зале остался Председатель. Он достал старинную зажигалку с монограммой, поджег листок с записями, проследил, чтобы он сгорел дотла, и тщательно растер пепел в пепельнице. Затем поднялся и твердо направился к выходу.

16 сентября

Железная дверь в один из отсеков трюма с визгом открылась. В нее вошел высокий широкоплечий человек и остановился недалеко от порога. Свет падал на него сзади и сбоку так, что различить его лицо под козырьком кепки было трудно. Виднелся только твердый подбородок, четко очерченные губы и кончик прямого носа.

– Ну что, Фил, как дела? – спросил он чуть хрипловатым, как спросонок, голосом.

– Кое-что есть, – отозвался толстяк в кожаном фартуке, тяжело ворочаясь возле широкого железного стола, на котором когда-то корабельным коком разделявались мясные туши.

Сейчас на этом столе лежало тело нагого человека. Но, видимо, его обнаженность не устраивала толстяка Фила, ибо кожа на руках, на ногах и некоторых других частях тела несчастного, включая голову, была надрезана и завернута, так что в красных волокнах мускулов проступали белые жгутики нервов. К ним крошечными клеммами крепились проводки, убегая к стоящему под столом аккумулятору. Крови почти не было – Фил был мастером своего дела и попусту кровь не лил.

Человек в кепке шагнул ближе к столу. Его глаза, на миг блеснув под козырьком, пробежали по лежащему на столе телу, но остались совершенно равнодушны. Как если бы там лежала мороженая свиная туша.

– Давай, – потребовал он, протягивая руку.

Фил вручил ему листок, местами запятнанный чем-то темным.

Человек в кепке просмотрел записи, сделанные мягким фломастером.

– Это все? – поднял он взгляд на толстяка.

Тот едва заметно, на французский манер, передернул плечами.

– Скажите спасибо и за это. Черт его знает, из чего он сделан, но только я с таким материалом еще ни разу не работал.

Человек в кепке криво усмехнулся.

– Я думал, ты способен разговорить даже покойника.

– Я тоже так думал, – огрызнулся Фил.

– Но ведь ты еще не закончил...

Лежащий на столе человек шевельнул губами, и Фил, все время бдительно следивший за ним, прижал палец к губам:

– Чш!

Человек в кепке замер.

Фил склонился на телом, почти вплотную прижался ухом к его губам. Некоторое время напряженно слушал, затем выпрямился и на вопросительный взгляд человека в кепке отрицательно покачал головой.

– Надолго его еще хватит? – спросил тот, ничем не выдавая своего разочарования.

Фил оценивающе посмотрел на неподвижное тело.

– Я думаю, это уже отработанный материал. Все, что мог, я из него вытянул. Возиться с ним дальше – только убивать время.

Человек в кепке немного подумал.

– Ладно, – глянув в листок, сказал он. – Заканчивай здесь. Смотри, чтобы никаких следов. Особенно зубы. Ну, не мне тебя учить.

– Вот именно, – проворчал Фил.

Он сорвал проводки, отвязал тело от стола и обеими руками сбросил его на пол, где глубокий сток образовывал что-то вроде ванночки. Толчком ноги поправив тело, он поднял двадцатилитровую канистру и начал поливать из нее концентрированной серной кислотой еще живую плоть.

Не обращая внимания на дергающиеся конечности, он густо облил голову, наблюдая за тем, как морщится и исчезает кожа и обнажаются кости, затем начал не спеша поливать кисти рук, ноги и все остальное, не забывая время от времени плеснуть на голову, особенно на челюсти. А потом взялся за молоток.

Человек в кепке, вышедший из отсека в начале «уборки», вернулся через полчаса.

В стоке лежала только кучка грязной слизи, ничем не напоминающая останки человека. Но человек в кепке не поленился взять железный прут, присесть на корточки и порыться в этой куче, внимательно разглядывая каждый твердый фрагмент, попадающийся ему под руку.

– Хорошая работа, Фил, – похвалил он наконец своего помощника, отбрасывая прут.

– Вы же знаете, я плохо не работаю, – отозвался толстяк, скромно стоя в стороне.

– За это я тебя и держу, – усмехнулся человек в кепке.

Он выпрямился, кивнул на большую сумку:

– Вижу, ты уже собрал свое барахло?

– Да.

– Забирай и пошли.

Толстяк нагнулся, чтобы взять сумку, где лежали фартук, аккумулятор, провода и прочие необходимые для его работы приспособления. И в этот момент человек в кепке вытащил из кармана пистолет с глушителем и выстрелил ему в затылок.

Толстяк ничком сунулся в угол, придавив животом сумку.

Человек в кепке спрятал пистолет, осмотрелся.

– Все равно ты стал ни на что не годен, Фил, – проговорил он вполголоса, глянув напоследок в отставленный зад толстяка.

Выключив свет, он накрепко запер двери и поднялся по ржавым ступенькам вверх.

Ночь была темной и теплой. Звезды слабо мерцали сквозь затянувшую небо дымку. В отсветах месяца виднелись громады полуразрушенных кораблей, дожидаящихся своей очереди на переплавку.

Человек в кепке, убедившись, что вокруг тихо, спрыгнул на пристань и бесшумно зашагал прочь. Через несколько секунд его силуэт растворился в темноте.

Берлин, Центральный вокзал, 19 сентября

Стройная миловидная девушка, бойко постукивая каблучками, прошла мимо длинного ряда автоматических камер хранения и остановилась в самом его конце. Сюда мало кто доходил, поскольку, если кладь была тяжелой, тащить ее лишние десяток метров никому не хотелось. Но так как у стройной девушки из всей клади был только изящный кожаный портфель, ей не составило никакого труда проществовать с ним до самого конца ряда.

Тут она, не особо колеблясь, открыла верхнюю ячейку, поставила в нее портфель, набрала код и захлопнула дверцу.

Завернувший сюда на минуту полицейский патруль не обнаружил ничего подозрительного в одинокой элегантной девушке, идущей по проходу упругой походкой манекенщицы.

Проходя мимо полицейских, она мило улыбнулась одному из них и, покачивая туго обтянутыми бедрами, направилась к выходу.

– Видал, Отто? – обратился к своему напарнику ошарашенный улыбкой незнакомки патрульный. – Какая конфетка! Так бы ее и съел.

– Такая сама кого хочешь съест, – заметил на это Отто, не удостоенный внимания красавицы.

– А что? – засмеялся, раздувая ноздри, его напарник. – Я бы не отказался. Особенно если бы она начала с моего малыша.

– Чтобы она заинтересовалась твоим малышом, Фред, ты должен получать на сотню тысяч больше, – ехидно процедил Отто. – А пока думай лучше о своей Хильде.

Напоминание о Хильде заставило Фреда умирить пыл. Он в последний раз посмотрел на девушку, проходившую в этот момент сквозь стеклянные двери, и вслед за благоразумным Отто двинулся в обход территории.

Девушка же, выйдя из здания вокзала, дошла до стоянки, уселась в спортивный «Мерседес», закурила и достала из сумочки мобильный телефон.

– Все в порядке, – сказала она надтреснутым детским голоском.

После чего выключила телефон, аккуратно вырулила на шоссе и исчезла в потоке машин.

Москва, 27 сентября, 14.40

Подъезжая к зданию Разведцентра, Роман гадал: что за срочность такая? Из-за чего он понадобился начальству настолько, что оно даже не дало ему перевести дух? Всего пару часов назад он вернулся из мест, отстоящих от Белокаменной более чем на десять тысяч верст, и вот ему уже велели срочно явиться в отдел.

Недостатка в сотрудиках отдел не испытывал, и для срочного задания годился гораздо более свежий человек, нежели только что вернувшийся из командировки и едва в этой командировке не погибший агент.

К тому же начальник отдела генерал Слепцов Романа откровенно недолюбливал и, если не было экстренной необходимости непосредственно в нем, предпочитал ему любого другого. Он отнюдь не делал тайны из того, что, будь его воля, он бы давно очистил управление от заразы, коей, по его мнению, являлся капитан Морозов, ярый индивидуалист, зазнайка и вообще личность крайне неприятная во всех отношениях.

Стало быть, случилось что-то экстраординарное, в чем без капитана Морозова никак не обойтись.

Но что?

Наиболее простое объяснение напрашивалось само собой: раз куратор капитана Морозова подполковник Дубинин не сделал даже намека на предстоящее задание, то Романа и не задание ждало вовсе, а какая-то нудная проверка по одному из его прошлых дел, всплывших с течением времени на поверхность, как старая подводная мина. И угроза от этой «мины» исходила, надо полагать, нешуточная, отчего и велели брать ноги в руки и срочно лететь в Контору.

Особой ясности эти соображения не внесли, ибо в прошлом, далеко и недалеко, делу у Романа значилось немало, и все они, по большому счету, таили в себе потенциальную угрозу для человечества.

Угадать же навскидку, какое из них потянулось к нему своими железными усиками, он, понятно, не мог. Но хотя бы настроился на нужную волну и оттого, подходя к кабинету Дубинина, чувствовал себя как стратег, предусмотревший, куда будет нанесен главный удар.

– Хорошо выглядишь, – сказал ему Дубинин вместо приветствия.

– Спасибо, – проворчал Роман, плюхаясь на стул.

Дубинин только покосился на это самоуправство, но выговаривать, вопреки ожиданию, не стал.

«Значит, дело дрянь, – решил Роман. – Иначе Дубинин свой пряник приберег бы на потом».

– Ну, что за срочность такая? – спросил он, больше всего страдая от того, что не может закурить в этой цитадели порядка и высоких моральных принципов.

Дубинин, расправив локти на полированной столешнице, улыбнулся улыбкой старшего брата, от которой у Романа подобрался желудок.

– Так, – сказал подполковник небрежно, – дельце одно старое надо закончить.

«Ага, – подумал Роман, – значит, мыслил я верно».

– Какое дельце? – как можно небрежнее спросил он.

– Тебе понравится, – отозвался Дубинин.

– Вот как?

Роман придержал нетерпение. Когда Дубинин вот так свивает и развивает свои кольца, жди беды.

– Вообще-то я не успел подготовить отчет по последнему заданию...

– Это после, – махнул рукой Дубинин. – Там у тебя все в порядке, даже орденом обзавелся. Пока можешь об отчете не думать.

– Как скажешь, – пожал плечами Роман. – Но только не говори потом, что я вечно все забываю.

– Не скажу.

– Ладно. Он ждет? – Роман покосился на дверь.

– Ждет.

– Ну так доложи.

Дубинин, вместо того чтобы разгневаться за столь вопиющее нарушение субординации, кивнул:

– Сейчас. А ты пока вот, взгляни.

Он пододвинул к Роману серую коленкорovou папку.

– Только без истерики.

Роман на секунду замер, глядя в построжавшие глаза Дубинина.

Черт, дело даже хуже, чем он предполагал!

– А можно не смотреть? – спросил он, машинально сунув руку в карман.

– Здесь не курят, Морозов, – сухо напомнил Дубинин.

И еще суше добавил:

– У тебя две минуты.

Он просунулся в дверь кабинета Слепцова, доложил о себе и втянулся туда целиком, оставив Романа наедине с серой папкой.

Тот помедлил, зная, что ему достаточно десяти секунд, чтобы понять суть дела.

А две минуты, отпущенные ему Дубининым, – это для того, чтобы он успел прийти в себя перед тем, как показаться на глаза шефу.

«Откуда они до сих пор берут такие папки? – подумал Роман. – Кажись, их выпуск прекратили еще в середине прошлого века. А вот поди ж ты, все еще пользуются. Велики запасы у нашей Родины».

Он вздохнул, понимая, что, отсрочивая неизбежное, пытается обмануть себя, развязал тесемочки, довольно-таки туго завязанные, и поднял твердую обложку.

– Твою мать, – в голос сказал он, благо в кабинете он находился один, и делать ему замечания, кроме Юрия Владимировича Андропова, висевшего на стене в серебристой рамочке, было некому.

В папке лежал один-единственный лист.

Стараясь не смотреть на фотографию, значившуюся в верхнем правом углу, Роман одним взглядом вобрал короткий текст, закрыл папку и закурил.

Крохин.

Снова он.

Чего угодно ожидал он, но только не встречи с этим выродком. Майор Виктор Крохин когда-то был агентом ГРУ. Потомственный разведчик, сын погибшего от рук ЦРУ полковника Крохина, близкого друга генерала Слепцова. Слепцов и вырастил Виктора, считая его своим сыном и верным защитником Родины. А сын предал и отца, и Родину, и новых хозяев, и наверняка еще многих и многих. Если что и было для него святого, так это деньги, и этому-то фетишу Крохин служил верой и правдой, не ограничивая себя ни укорами совести, ни скромностью в аппетитах.

Дважды их сводила судьба с Романом. В Ираке, где Крохин, переметнувшись на сторону Аль-Каиды, торговал похищенным российским оружием, и в Иране, откуда Крохин задумывал небывалую по размаху и дерзости террористическую акцию. После первой их встречи Роман был уверен, что Крохин погиб. После второй, во время которой он едва не погиб сам, Роман надеялся лишь на то, что, сорвав акцию, навсегда лишит Крохина охоты сталкиваться с ним снова.

Но он ошибся.

Крохин не только снова встретился на его пути. Он сам напросился на встречу. И уклониться от нее Роман никак не мог, сколь бы ни велико было его желание. Ибо от подобных встреч не уклоняются.

В скупом сообщении Интерпола значилось следующее: задержанный на территории Германии по подозрению в организации теракта Макс Гольц признался в том, что он бывший майор ГРУ Виктор Крохин. Далее он сообщил о том, что им было организовано несколько терактов, и назвал факты, подтверждающие его участие в них. Далее он потребовал встречи с капитаном ГРУ Романом Морозовым, обещая, что только ему он может открыть некий секрет, который предотвратит гибель тысяч, а возможно, и миллионов человек.

Больше к сказанному Гольц-Крохин ничего не добавил, заявив, что в следующий раз заговорит лишь тогда, когда увидит капитана Морозова.

И теперь Берлинское бюро Интерпола настоятельно просит Москву как можно быстрее прислать в Германию вышеупомянутого капитана Морозова, ибо Крохин предупредил, что акция состоится на следующей неделе и промедление смерти подобно.

Ну и как тут было не закурить, невзирая на суровое предупреждение Дубинина?

«Надо было подохнуть в джунглях Венесуэлы, – думал Роман, сделав несколько затяжек и тщетно выискивая, куда бы стряхнуть пепел. – Все равно этот гаденыш замыслил такую пакость, что мне головы не сносить».

Он перегнулся через стол и стряхнул пепел в корзину для бумаг.

«А может, устроить себе самострел? Ну, или оттяпать палец, на худой конец. Вот! Сослаться на то, что мне еще худо от венесуэльского яда. Брякнуться на коврик, пустить пену, ногами побрыкать... Нет, не пройдет. Им нужен я, такой, как есть, и отсутствие пальца или даже всей руки их не остановит. Он все рассчитал. Будь я хоть какой больной или увечный, Слепцов пошлет меня в Германию и глазом не моргнет. И разбирайся там, как хочешь».

– Мне только пожара здесь не хватало, – появляясь в дверях, сказал Дубинин.

Впрочем, сказал тихо. Дверь оставалась приоткрытой, и он не хотел, чтобы до Слепцова донеслось его замечание в адрес Романа.

«Все-таки он на моей стороне», – подумал Роман. На миг его посетила отчаянная надежда, что подполковник, будучи его куратором, сумеет найти весомые аргументы перед Слепцовым в защиту того, чтобы не отпускать подчиненного на заведомую гибель в Германию. Слепцов своего помощника уважал и с его мнением считался. Как-никак последние пять лет они шли рука об руку, а это немалый срок для подобного рода сотрудничества.

– Спаси меня, подполковник, – сказал Роман так жалобно, что сам едва не прослезился.

Дубинин молча подошел, отобрал окурки и щелчком послал его в окно.

– Ознакомился? – кивнул он на папку.

– Так точно, – хороня надежду, упавшим голосом сказал Роман.

Дубинин сел за стол, установил локти точно друг против друга, свел брови в прямую линию, поправил манжеты, доведя их выступ из рукавов точно на полтора сантиметра, поправил значок на кителе. Делал он все это так сосредоточенно и любовно, что Роман как-то не решился ему помешать, влезая со своими вопросами.

– Ты чего сидишь? – спросил вдруг его Дубинин с удивлением.

Роман вздохнул.

– Иду.

Он поднялся, шагнул к двери, но в последний миг обернулся, точно что-то позабыв.

– А...

– После поговорим, – сурово отсек подполковник. – Вперед.

Роман кивнул и, как в пыточную, вошел в кабинет:

– Разрешите, товарищ генерал?

Дверь позади него тихонько щелкнула. Дубинин всегда знал, как в какой ситуации следует поступать.

– Проходите, капитан, – прокатился по кабинету генеральский бас Слепцова.

Роман сделал несколько шагов вперед, остановился у стола. Начальник отдела генерал Слепцов, сверкая золотом очков, наград и вставных зубов, с отеческой теплотой смотрел на него.

Что зубы сверкают – это значит, улыбается, дошло до Романа. Ибо демонстрировать свое советское прошлое подобным образом Слепцов не очень любил и улыбался разве что на приеме у начальства, да и то если это ему ничем не грозило. Принимая же подчиненных, и в частности капитана Морозова, Слепцов не улыбался никогда, и оттого его оскал показался сейчас Роману особенно зловещим.

– Садитесь, капитан, – спрятав пока зубное золото, приказал Слепцов.

Роман кивнул, сел на стул.

– Поздравляю вас с отлично выполненным заданием, – пророкотал генерал. – И с орденом. С этим, как его...

Он заглянул в бумажку.

– Звезда Карабобо. Интересное название, хе-хе!

– Да, – выдавил Роман.

Слепцов помолчал, барабаня пальцами по столу.

– Я там доклад не успел написать, – вспомнил Роман.

– Ничего, – махнул пухлой ладонью Слепцов. – Это подождет.

Он покосился на Романа:

– Выглядите, в общем, неплохо. Я знаю, вам там несладко пришлось. Но, вижу, венесуэльские товарищи сделали все, чтобы вернуть вас в форму.

Роман глянул на генерала. Издевается, что ли?

Нет, Слепцов смотрел спокойно, изучающе, золото оправы поблескивало без намека на двусмысленность.

«Вряд ли он знает, – подумал Роман, – чем я там занимался последние три дня. В отчете я это на всякий случай указывать не буду, так что пусть считает, что я провалялся в больнице».

– Да, – кивнул он, – обо мне хорошо заботились.

– Ну, и отлично, – сказал Слепцов. – Стало быть, для нового задания вы готовы.

«Не готов!» – едва не выкрикнул Роман.

Но промолчал, зная, что выкрики его произведут впечатление не большее, чем жужжание мухи. То есть раздражение вызовут, но с курса не сойдут.

– Я понимаю, – продолжил Слепцов, истолковав молчание Романа как несомненный знак согласия, – вам не очень-то хочется встречаться с...

Тут даже он замялся, ибо тема Крохина была для него куда более болезненна, чем для Романа. Тот, по крайней мере, просто сражался с ненавистным противником. Этот же, потеряв приемного сына, затем отдав приказ на его ликвидацию, затем убедившись, что тот по-прежнему жив и по-прежнему строит козни, должен был, наверное, испытывать весьма противоречивые чувства. В истории разведки есть немало случаев, когда агент, казавшийся образцом патриотизма, вдруг перевербовывался на вражескую сторону, а то и на две сразу. Профессионалы разведки всегда готовы к подобным метаморфозам, хотя и они частенько бывали застигнуты врасплох. Но то, что пережил Слепцов, узнав о предательстве Виктора, человека, которого он воспитал, которого любил и в которого верил, как в самого себя, Роман и вообразить себе не мог. И потому заминка в голосе генерала была ему хорошо понятна и вызывала симпатию.

«Все-таки старик не такой чурбан, каким кажется», – подумал он.

– С Крохиным, – твердо закончил Слепцов. – Но, исходя из полученных данных, у нас нет другого выхода. Он потребовал встречи именно с вами, и мы не можем это требование отклонить.

– Почему это? – проворчал Роман.

Слепцов удивленно посмотрел на него. Оправа его очков внезапно перестала излучать дружелюбие и зажглась холодным огоньком.

– Я вижу, вы, как всегда, невнимательно прочитали донесение, – чуть повысил голос он.

– Я внимательно прочитал донесение, – возразил Роман. – Тем более что речь там шла обо мне.

– И что же вам неясно?

– Мне неясно, почему по первому требованию какого-то негодяя мы должны немедленно пускаться перед ним в пляс. Или бегать на цыпочках, если угодно.

Слепцов внезапно вдвое увеличился в размерах. Это он надвинулся всей грудью на стол и расправил плечи, по-стариковски широкие в увенчанном золотыми погонами кителе.

– Вы что себе позволяете, капитан? – загремел он. – Не успели войти в кабинет, а уже качаете права?

– Я не качаю права, – стараясь сохранять спокойствие, ответил Роман. – Я просто не понимаю, откуда подобный пиетет перед человеком, подлее которого я не встречал. Глядишь, он скоро потребует, чтобы все управление предстало перед ним в полном составе, и вы помчитесь исполнять его приказание.

– Перестаньте паясничать, – хлопнул тяжелой ладонью по столу Слепцов. – И имейте смелость признать, что вы просто боитесь встречи с ним.

– А и смелости никакой не надо, – разозлился Роман. – И так понятно, что Крохин затеял какую-то гнусную авантюру. А я ему нужен, чтобы посчитаться за прошлые провалы. То есть я буду при нем вроде заложника, от которого он постарается избавиться при первой же возможности.

– Это хорошо, что вы мыслите логично, – внезапно успокоившись, кивнул Слепцов. – Признаться, и я подумал о том же.

– О чем? – ощерился Роман. – О том, что он постарается избавиться от меня?

– О том, что он затеял какую-то авантюру, – сказал Слепцов. – Наверняка за его арестом что-то стоит. Вам не кажется, что его как-то слишком легко взяли?

– Это вы об успешном аресте, произведенном Интерполом? – остывая, усмехнулся Роман.

– Да.

– Понятно, что он сдался сам. И его саморазоблачение только подтверждает эту версию.

– Но он говорит о готовящемся теракте. Как бы там ни было, а эта информация заслуживает того, чтобы ее проверили. Пускай там Крохин что-то затеял, да и наверняка что-то затеял. Но, капитан, согласитесь: мы не можем отказать в помощи нашим немецким коллегам. Ведь речь идет о жизни невинных людей.

Роман помолчал, глядя в сторону. Можно подумать, он перед кем-то провинился!

– В конце концов, – с нажимом добавил Слепцов, – если мы откажем, пострадает престиж нашего управления и всей страны в целом.

– Вот на это он и рассчитывает, – с досадой сказал Роман. – Он знает, что мы не рискуем отказать немцам, поскольку те не преминут поднять шум на весь мир о бессердечии русских.

– Вот именно, – кивнул Слепцов. – Теперь вы понимаете, что у нас просто нет выхода?

Он поднялся, сделал знак Роману сидеть, и начал быстро ходить взад-вперед по кабинету, разгоняя и сортируя мысли. Привычка эта была весьма утомительна для подчиненных, поскольку им приходилось вертеть головой, как на теннисном матче, следя за начальством. Но Слепцов, подобно генератору, вырабатывал мысли посредством движения и остановиться мог только после окончания полного цикла работы.

– Я понимаю ваши опасения, капитан, – заговорил он после очередного разворота на скрипучем паркете. – Но вы не мальчик и не жертва, приготовленная на заклание. Во-первых, вы успели изучить Крохина и знаете, чего от него можно ожидать.

– Да уж, – вырвалось у Романа.

Но Слепцов сделал вид, что не услышал.

– Во-вторых, – продолжал он, мечась взад-вперед, – вы обладаете достаточным опытом для того, чтобы просчитать действия Крохина и понять, к чему он ведет.

На это Роман только скептически покивал.

– В-третьих, вся мощь нашего Управления к вашим услугам, а это, согласитесь, немало.

– Да уж, – пробормотал Роман.

– И, наконец, в-четвертых, вы сможете раз и навсегда покончить с Крохиным. Я думаю, это в ваших интересах, капитан.

Слепцов остановился, сверху вниз посмотрел на Романа, точно облив его солнечным светом, покачался на носках, останавливая турбину, и важно уселся за стол.

– Вы со мной согласны? – окликнул он Романа, который смотрел куда-то в сторону, точно в кабинете, кроме него, никого больше не было.

– В чем? – тупо спросил Роман.

– Во всем, – поджав губы, уточнил Слепцов.

Роман вздохнул. Попробуй не согласишься!

– Конечно, товарищ генерал.

Ответ был не совсем по уставу, но Слепцов, ярый службист, на этот раз стерпел.

– Ну и отлично, – кивнул он. – Рад, что вы поняли ситуацию правильно.

Он замолчал, отчего-то насупившись. Хотя, казалось бы, после столь блестящей речи он должен был испытывать вполне понятное удовлетворение.

Но нет, удовлетворения на его лице Роман не заметил. Наоборот, было видно, что генерал чем-то удручен.

Предмет удрученности выяснился в следующую минуту.

– Мы с вами об этом и раньше говорили, капитан, – начал Слепцов, поглядывая как-то неуверенно. – Вернее, я отдавал приказ... В общем, неважно, что было раньше. Но теперь я хочу сказать вот что.

Слепцов замолчал, напряженно глядя на Романа.

– Да, товарищ генерал? – спросил тот, в общем-то догадываясь, о чем пойдет речь.

– Я думаю, вы хорошо знаете о моем отношении к Крохину. Я хотел сказать, о прежнем отношении...

– Я понимаю, товарищ генерал.

– Тем лучше, – кивнул Слепцов. – Так вот, ранее я еще колебался между желанием либо сохранить Крохину жизнь, как сыну моего покойного друга и как моему приемному сыну, либо ликвидировать его как предателя. Теперь же у меня сомнений нет. Тот, кем он стал, не имеет права на существование. Поэтому, капитан, у меня к вам личная просьба: постарайтесь избавиться от него, как бы трудно вам ни пришлось. И на этот раз так, чтобы шансов на вторичное воскрешение у него не было.

Роман решил не обижаться на камешек, заброшенный в его огород. Он видел, что Слепцов взволнован – что бывало с ним весьма редко, – а всякое проявление живых чувств у начальства, как известно, всегда производит неизгладимое впечатление на подчиненных.

К тому же эта просьба совпадала с его собственными устремлениями, так что он не видел никаких преград к тому, чтобы ее осуществить.

Кроме, конечно, той, что сам Крохин вряд ли захочет быть ликвидированным. Более того, Роман подозревал, что эта участь уготована ему самому, и думать он должен был в первую

очередь о том, чтобы остаться в живых, а не исполнять просьбу Слепцова, как бы прочувствованно произнесена она ни была.

Но все-таки он решил остановиться на том, что это именно ему предстоит поставить точку в их давнем споре с Крохиным. Ибо если он поедет на встречу с похоронным настроением, то, глядишь, оно в скором времени и оправдается. А так сохранится иллюзия борьбы, и даже победы, а это уже половина успеха.

– Значит, мы договорились, капитан? – спросил Слепцов.

– Так точно, товарищ генерал, – ответил Роман.

– Хорошо. Тогда я вас не задерживаю.

Роман помедлил.

– У меня тоже к вам просьба, товарищ генерал, – сказал он, интимно подавшись вперед. –

Встречная, если можно так сказать.

Слепцов поднял брови.

– Я вас слушаю, капитан.

– Если я в этот раз... В общем, если я не вернусь, обещайте мне достать этого гада. Рано или поздно.

Они какое-то время смотрели друг другу в глаза, и между ними – возможно, впервые за все годы – возникло нечто вроде теснейшего взаимопонимания.

– Обещаю, – кивнул Слепцов. – Рано или поздно.

Роман поднялся, светло улыбнулся:

– Разрешите идти, товарищ генерал?

– Идите.

Сохраняя все тот же ответ на лице, Роман вышел в приемную и натолкнулся, как на стену, на хмурый взгляд Дубинина.

– Ты чего это сияешь? – проворчал тот. – Повышение получил?

– Типа того, – помрачнел Роман.

Он сел на стул, медлительным движением заложил ногу на ногу. Опустил руку в карман, но Дубинин был начеку и строго покачал головой.

– Когда отлет? – спросил Роман.

– Вчера, – сказал Дубинин.

– То есть?

– Запрос еще вчера поступил. Ждали твоего прибытия.

– Ах, вот как!

– Да, именно так. Так что давай вниз, машина уже ждет. Через полтора часа вылет из Шереметьева. Документы, билет, деньги, дополнительные инструкции у шофера.

– Ясно. Ну, так я пошел?

– Давай, давай.

– А пара теплых слов на прощание?

– Скатертью дорога.

– Гвозди бы делать из этих людей, – вздохнул Роман, поднимаясь. – Вот возьму и погибну смертью храбрых.

– Я тебе погибну, – пригрозил Дубинин. – Выполнил и доложил. И никаких таких «погибну».

– Так-то лучше, – смягчился Роман. – Ну, бывай тогда, подполковник.

Дубинин постучал пальцем по наручным часам. Роман понял, что прощальных объятий не дождется, скучно кивнул и вышел в пустынный коридор.

Вот же собачья жизнь, думал он, спускаясь на лифте вниз. Только прилетел с труднейшего задания, думал по-человечески отдохнуть, орден обмыть, на любимом диване отлежаться. А

вместо этого его чуть не палкой гонят невесть куда, да еще неизвестно зачем. И что он при этом должен чувствовать, спрашивается?

Неприятность заключалась еще и в том, что он обещал Лене, своему благодетелю и компаньону, выполнить срочное поручение, благодаря которому надеялся оживить свой иссохший до неприличия банковский счет.

Леня Пригов был маклером на фондовой бирже. Когда-то Роман оказал ему неоценимую услугу, сохранившую Лене свободу и, скорее всего, жизнь, и Леня сделался его представителем на бирже. Пользуясь своими связями и профессиональными навыками, Роман время от времени поставлял Лене информацию делового свойства, в ответ на что тот пускал в оборот деньги Романа, удваивая, а порой и утраивая их количество.

За короткое время из босяка-бюджетника Роман превратился в состоятельного человека и познал вкус игры в рулетку, а также стал завсегдатаем дорогих ресторанов и закрытых столичных клубов.

Понятно, что такая жизнь Роману Евгеньевичу пришлась по душе. С тех пор, как бы ни отвлекало его служение интересам Родины, он умудрялся добывать нужную информацию и переправлять ее Лене.

Тот, правда, бывал не очень доволен тем, что свою основную работу Роман частенько противопоставляет их совместному бизнесу. Но тут Роман ничего с собой поделывать не мог, ибо Родину любил страстно и ради нее готов был пожертвовать всем, и даже, увы, своим материальным процветанием.

Впрочем, Леня, человек столь же мудрый, сколь и гениальный, до крайностей обычно не доводил, ценя в Романи порядочность и врожденный авантюризм – качества, редко встречающиеся одновременно в одном человеке. Но, бывало, и Леня терял терпение, грозя немедленным увольнением, чего Роман боялся как огня, ибо жить на одну зарплату отвык, а добывать деньги каким-то иным путем не умел, невзирая на все свои многочисленные дарования.

Поэтому сейчас на душе у него было беспокойно. Не далее как сегодня он пообещал Лене, что ближайшие два дня будет находиться целиком в его распоряжении. Он уже и прикинул, как лучше выполнит принятое от Лени поручение, и даже наметил, как потратит заработанные деньги.

И вот на тебе! Вместо того чтобы заняться делом, он отправляется на очередное задание Родины, с которого, неизвестно еще, вернется живым или нет. С этим-то, положим, проблем больших нет, когда-нибудь все равно все закончится. Но лишний раз подводить Леню, тем более после данного обещания, страх как не хотелось.

Посему, здраво рассудив, Роман решил не дергаться и преждевременно себя не дискредитировать. То есть не ставить пока компаньона в известность о своей экстренной отлучке. Кто его знает, как там обернется в Германии? Возможно, на все про все уйдут какие-нибудь сутки. Так это ж мелочь! За оставшееся время он запросто справится с Лениным поручением и убьет, таким образом, двух жирных зайцев. Вопреки известной поговорке, подобный подвиг ему удавался, и не раз.

Главное, чтобы первый заяц не убил его самого...

Но думать об этом в свободное от работы время не хотелось. Раз не удалось отвертеться от встречи с Крохиным, надо ехать на нее с веселой улыбкой на лице и холодной злобой в сердце. Первое не даст упасть духом, второе подскажет, где найти выход. Впрочем, могло быть и наоборот, но там уж – как сложится.

В самолете Роман после взлета потребовал себе коньяку и шпрот. Черт его знает, почему ему захотелось именно шпрот, не ел их, наверное, лет двести. Но вот захотелось, и все тут, причем так, что хоть разворачивай самолет.

К его великому удивлению, шпроты нашлись. Рейс был российский, и тут привыкли иметь дело со вкусами соотечественников, многие из которых росли когда-то в большом много-

национальном таборе, именуемом Советский Союз. Поэтому продукты, пришедшие «оттуда», на борту имелись, и обращаться с ними умели виртуозно. Шпроты не только достали из банки, но и положили на хлеб, смазанный маслом, а сверху накрыли дольками лимона. Получился просто идеальный подконьячный бутерброд.

Выпив пару рюмок коньяку (не пять звездочек, но терпеть можно) и съев пяток бутербродов, Роман почувствовал, что вполне примирился с жизнью. Пускай она там какая собачья ни есть, а и в ней можно найти свои положительные стороны, вот, например, как эти чудные бутерброды и этот не очень чудный коньяк. А если еще есть возможность часок-другой бес-тревожно соснуть, то обижаться на нее может только круглый идиот.

Берлин, 27 сентября

В аэропорту Романа встречали двое корректных мужчин. Один постарше, другой помоложе – как и положено в добротной профессиональной связке. Правда, на взгляд Романа, прислать за гостем, прибывшим по своей воле, сразу двух профессионалов было некоторым перебором. Но тут, видимо, играло роль исконное немецкое усердие, не признающее полумер.

Герр Миллер и герр Кейне – так они представились Роману – любезно раскланялись, убедились, что гость понимает по-немецки, и вежливо, но быстро повлекли его к машине.

Роман понял, что его старый друг запугал добрых бюргеров до полусмерти. Но получить какие-либо сведения в дороге ему не удалось. Усаженный на заднее сиденье мини-вэна, он под грозные сполохи мигалки пронесся через самые красивые улицы Берлина и вскоре оказался во дворе мрачного серого строения явно домодерновой архитектуры.

– Похоже, строили еще при геноссе Гимmlере? – с любознательностью туриста обратился он к герру Миллеру, старшему в связке.

– Да, – односложно уронил тот. – Нам туда.

Роман вздохнул и, сопровождаемый по пятам обоими геррами, двинулся в предупредительно открытую одним из них дверь.

Пройдя блистающими чистотой коридорами совсем немного, он оказался в просторном кабинете, где его со странным выражением на лице приветствовал пожилой долговязый полковник.

– Рад вас видеть, господин Могозофф, – протянул он ему жилистую руку. – Полковник Кирш.

– Очень приятно, – пробормотал Роман.

– Прошу вас, – указал Кирш на кресло.

Роман сел, сбитый с толку тем странным напряжением, с каким продолжал тарашиться на него хозяин кабинета.

– Спасибо, что прилетели, господин Морозов, – усевшись за стол, с несколько натянутым пафосом произнес Кирш.

– Ну что вы, – возразил Роман. – Это мой долг.

– Да, да, – покивал полковник. – Да, да.

Он быстро переглянулся с обоими геррами, присевшими сбоку от Романа.

Роман почувствовал себя неуютно. Эти тревожные взгляды невольно начинали внушать тревогу и ему. Возникло чувство, будто его пребывание здесь ассоциируется у принимающей стороны с какой-то неведомой и оттого вдвойне опасной загадкой.

Но почему, недоумевал Роман. Кажется, он прибыл сюда из ведомства, находящегося хоть и во враждебном блоке, но относящегося к законному государственному аппарату, и вправе рассчитывать на то, что его будут воспринимать здесь как коллегу, а не как перебежчика или, чего доброго, шпиона.

Конечно, репутация ГРУ еще со времен «холодной войны» заслуживала того, чтобы относиться к нему и к его сотрудникам с известной долей недоверия. Но опасаться человека, прибывшего с желанием помочь, – нонсенс. Ведь это то же самое, что опасаться сапера, который прибыл обезвредить мину.

А может, подумал вдруг Роман, они считают, что мы с Крохиным заодно? Ведь он тоже – наш, пусть и бывший. И кто знает, что там эти русские задумали...

Он повнимательнее присмотрелся к полковнику и, когда тот снова нырнул глазами вбок, понял, что недалек от истины.

Это открытие его сильно развеселило.

«Знал бы Слепцов, – подумал Роман, – как здесь к нам относятся, не бросался бы с юношеским пылом громкими словами. А то престиж управления да престиж страны! А нас тут как не любили, так и не любят, а уж бояться и вовсе никогда не перестанут, спасай их не спасай. И надо было мне возвращаться из Венесуэлы? Не мог придумать что-нибудь и задержаться еще на недельку...»

– Кофе, господин Морозов? – предложил Кирш. – Или водки?

Он оскалил нижние искусственные зубы, давая понять, что отлично разбирается в повадках русских.

– Давайте к делу, господин полковник, – сухо сказал Роман.

Он вдруг ощутил на себе бремя того самого престижа, о котором толковал Слепцов, и решил, что если и ударит в грязь лицом, то только не своим. К тому же известно, каков казенный кофе и какова немецкая водка.

– Хорошо, – согласился Кирш, запоздало стирая с лица улыбку. – Давайте к делу.

Он сцепил руки перед собой и внимательно глянул на Романа.

– Скажите, – сурово спросил он, – как давно вы знакомы с господином Гольцем?

– Вы хотели сказать, с Крохиным? – уточнил Роман.

– Пусть будет так, – кивнул Кирш.

– Достаточно давно, чтобы узнать его всесторонне.

– Ага, – негромко воскликнул Кирш.

Он переглянулся со своими помощниками. Должно быть, то, что Роман не стал называть дату их знакомства с Крохиным, подтвердило тайные опасения полковника.

Эти переглядки начинали Романа раздражать, но он решил не показывать вида. Посмотрим, что вы дальше запоете.

– И что же вы можете о нем сказать? – вкрадчиво спросил Кирш.

Похоже, он решил, что вот-вот уличит гостя в том, в чем подозревал его с самого начала.

– Ничего хорошего, – пожал плечами Роман. – Негодяй, каких мало. Не остановится ни перед чем, чтобы достичь своей цели. Если понадобится уничтожить миллион человек, уничтожит и глазом не моргнет.

– Ага! – снова воскликнул Кирш.

Но на этот раз в его голосе прозвучала растерянность. Резкость заявлений Романа заметно обескуражила его. Как видно, такой прямоты он не ожидал. Мало того, что Роман подобными высказываниями как бы отметал саму возможность своего сотрудничества с таким человеком, он еще и возводил исходящую от него опасность в некую запредельную степень.

– Значит, насколько я понял, – осторожно продолжил Кирш, – этот ваш Крохин действительно очень опасен?

– Даже больше, чем вы можете предположить.

– Поясните, господин Морозов, что вы имеете в виду.

– Я имею в виду то, господин Кирш, что Крохин не просто заурядный террорист. Этот человек способен разрабатывать и претворять в жизнь весьма масштабные проекты. Открывать тайны нашего управления я, по понятным причинам, не могу, но поверьте мне на слово: по мелочам он не работает. И если он решил сдать, значит, на то есть особые причины.

Некоторое время полковник Кирш думал весьма напряженно.

– Правильно ли я вас понял, господин Морозов? – наконец заговорил он. – Вы полагаете, что Гольц сам отдал себя в наши руки?

– Я уверен в этом, – кивнул Роман.

– На каком основании?

– Этого человека ловили разведслужбы многих стран. Но все их усилия были тщетны. И вдруг он оказывается задержанным вашей службой, имеющей к разведке, скажем так, весьма

приблизительное отношение. Кстати, как было произведено задержание? Я могу ознакомиться с деталями?

– Конечно, – сказал полковник, мрачней с каждой минутой. – Герр Миллер, доложите. Старший герр поднялся, вытянул руки по швам.

– Задержание произошло на одной из явочных квартир леворадикалов, – простуженным тенорком уличного филера отрапортовал он. – Нам сообщили, что на ней скрывается известный террорист...

– Кто сообщил? – спросил Роман.

– Звонивший не установлен.

– Ясно. Что дальше?

– Когда мы прибыли с усиленным нарядом спецназа, на квартире оказался господин Гольц.

– Один?

– Так точно, один.

– Сопротивления он не оказывал?

– Никак нет. Он... спал.

Роман перевел взгляд на Кирша:

– Теперь вам понятно, господин полковник?

Разрешив кивком головы Миллеру сесть, полковник некоторое время молчал.

– Пока это всего лишь ваши предположения, – сказал он, не глядя в глаза Роману. – Возможно, Гольц сдался сам, а возможно, мы успешно захватили его, используя наши каналы.

– Возможно, – не стал спорить Роман.

Он достал сигареты.

– Вы не возражаете, господин полковник?

Кирш остолбенел.

– Вообще-то в учреждениях курить строго запрещено, – промямлил он.

– Но ведь это запрещено вашим сотрудникам, верно? – парировал Роман. – Лично ко мне это не имеет никакого отношения. К тому же мне так лучше думается.

Наверное, последний аргумент показался Киршу заслуживающим уважения, потому что он достал из стола пепельницу и придвинул к Роману.

– Курение не лучшим образом отражается на физической форме, – счел уместным напомнить он.

– Вы полагаете, я приехал сюда, чтобы поговорить о моей физической форме? – спросил Роман.

Кирш криво улыбнулся:

– Вы правы, господин Морозов.

Он открыл папку, пошуршал страницами.

– Как вы думаете, почему он захотел встретиться именно с вами? – задал немец вопрос, на который и сам Роман хотел бы получить ответ.

– Понятия не имею, – отозвался тот.

– И все-таки? – настаивал Кирш. – Я хотел бы услышать ваши предположения.

– Предположение у меня одно, – пустив перед собой густую струю дыма, сказал Роман. – Полагаю, что мой почтенный знакомый желает свести со мной счеты.

У Кирша вытянулось лицо.

– Да, да, – помахал рукой Роман, не то разгоняя дым, не то жестикулируя на французский манер. – В прошлом у нас были стычки, после которых у Крохина остались ко мне кое-какие претензии.

– А у вас к нему? – быстро спросил Кирш.

Роман снова занавесился пеленой дыма.

– Я всего лишь делал свою работу. Ничего личного у меня к Крохину нет и быть не может.

– Понятно. А он...

– А он, – подхватил Роман, – видимо, испытывает ко мне что-то вроде личной ненависти. Видите ли, я дважды срывал ему операцию. Как вы понимаете, любить ему меня не за что.

– Да, понимаю, – покивал Кириш.

Он переглянулся с геррами, неподвижно сидевшими у стены. Во взгляде у него стояла растерянность.

– Но скажите, господин Морозов, почему вы полагаете, что Крохин избрал столь сложный способ для сведения счетов с... с... вами?

– То есть вы хотите сказать, с человеком, звание и должность которого слишком малы, чтобы рисковать ради мести ему своей свободой и, возможно, жизнью?

– Да, – с облегчением кивнул Кириш.

– Не знаю, – пожал плечами Роман. – Крохин человек непредсказуемый. Он наверняка что-то задумал.

– Что?!

– А вот это нам и предстоит узнать, – ясно улыбнулся Роман.

Он раздавил окурок в пепельнице, вздохнул:

– Ну что, я готов.

– К чему?

– Как к чему? К встрече. Ведь, насколько я понимаю, ради этого вы меня и вызывали.

– Разумеется.

Полковник закрыл папку, так и не показав Роману ее содержимое, спрятал в стол.

– Вы желаете встретиться с Крохиным прямо сейчас?

– Да. А зачем тянуть? Встреча с ним не настолько приятна, чтобы откладывать ее на десерт.

Кириш едва заметно усмехнулся:

– Хорошо. Идемте.

Он пропустил Романа в дверь и пошел рядом с ним, короткими жестами указывая направление. Оба его помощника неотступно шли на два шага позади.

– Крохин что-нибудь сказал о готовящемся теракте? – спросил Роман. – Время, место?

– Ничего, – покачал головой Кириш. – Сказал только, что это очень серьезная акция.

– У него все очень серьезно, – заметил Роман.

Полковник Кириш промолчал.

Они спустились на два этажа ниже и вошли в помещение для допросов. Одна стена была зеркальной, другие обиты звукопроводящими панелями.

Через минуту сюда подошли двое мужчин чиновного вида. Это были представители Совета безопасности или чего-то в этом роде – Роман не вникал. Они отозвали Кириша в коридор и долго с ним совещались.

Роман выкурил две сигареты, прежде чем было объявлено, что задержанного сейчас приведут.

– Полковник, – окликнул Роман Кириша, – наверное, я чего-то не понял.

– О чем вы? – наморщился тот.

– Вы говорили, что Крохин желает пообщаться со мной лично, верно?

– Верно.

– Тогда что здесь делают эти господа?

Роман указал на обоих чиновников, усевшихся на стулья с таким видом, точно они пришли в театр.

– Но... – растерялся Кириш, понижая голос. – Они по роду службы имеют право присутствовать при подобного рода мероприятиях.

– Попросите их выйти за дверь, и побыстрее, – внятно произнес Роман. – Иначе, боюсь, задержанному их присутствие не понравится. Ваше, кстати, тоже.

– Но ведь мы все равно услышим ваш разговор, – не желая гневить высоких гостей, заупрямился Кириш.

– Вы не поняли. Если вы останетесь здесь, разговор попросту не состоится. Так что выбирайте.

Немецкий Романа хоть и был далек от совершенства, но представители Совбеза прекрасно его поняли. Они переглянулись, дружно поднялись и направились к выходу, демонстрируя качества, благодаря которым и попали на столь ответственные должности.

Кириш метнул в Романа укоризненный взгляд и поспешил за ними. Оба его помощника вышмыгнули следом. Таким образом, поле битвы осталось за Романом.

Он медленно прошелся вдоль стены, точно боксер перед поединком. Садиться за стол до появления Крохина не хотелось. Интересно было посмотреть, какое место тот выберет сам. Допрашиваемых всегда сажают так, чтобы они находились лицом к зеркалу, за которым стоят наблюдатели. Естественно, Крохин об этом знал. И именно поэтому Роман хотел дать ему возможность выбора. Захочет ли прятать лицо или чувствует себя настолько уверенно, что сам предпочтет сесть на место допрашиваемого? Станет ли говорить или выкинет какой-нибудь фокус? Потребуется, чтобы его освободили, или попросит Романа составить ему компанию в камере?

Морозов почувствовал, что волнуется.

Плохо.

Он достал из пачки сигарету, помял ее в пальцах, но, так и не прикурив, положил обратно. Дверь открылась. Вошел высокий широкоплечий человек в наручниках, улыбнулся:

– Ну, здорово, капитан.

– Здравствуй, Виктор.

– Ага, – обрадовался Крохин, – значит, я угадал. Ты все еще в капитанах.

– Все еще, – подтвердил Роман.

Некоторое время они внимательно изучали друг друга.

Роман отметил, что Крохин сильно возмужал. В свои тридцать с хвостиком он выглядел как сорокалетний мужчина. Волевые складки у рта, морщинки под глазами, глубокая складка на переносице. Время его потрепало. Опять же, пластические операции не пошли впрок.

– Что, – подмигнул Крохин, – сильно я изменился?

– Есть немного.

– Жизнь тяжелая. А ты ничего. Все как мальчишка. И даже звание прежнее.

– Далось тебе мое звание, – проворчал Роман.

– Ну, так переживаю за товарища. Чем будешь на пенсии жить?

– Твоими молитвами.

– С меня станется, – расхохотался Крохин.

Он прошел к столу и уселся лицом к зеркалу.

– Ну что, погутаим, братка?

Роман сел напротив него, закурил.

– Наручники не жмут?

– Нет, ничего, – усмехнулся Крохин.

– Может, попросить, чтобы сняли?

– Противно, когда их снова надевают. Пускай уж так.

«Интересно, – подумал Роман, – эти парни за стеклом понимают по-русски?»

Как бы отвечая на его вопрос, Крохин кивнул на зеркало:

– Собрались зрители?

– Не так много, как ты думаешь.

– Ну, пускай себе. Они ведь нам не помешают, верно?

Роман промолчал, пуская дым в сторонку.

– А я вот больше не курю. Бросил.

– С каких это пор?

– С тех самых, как из Конторы ушел.

– Не вижу связи.

– Связь простая. Заработал денег на вольных хлебах и решил, что глупо умирать раньше времени, когда еще можно пожить. Хорошо пожить, заметь.

Роман аккуратно стряхнул пепел в пепельницу.

– У нас в подвале живет бомж. Так вот он считает, что живет великолепно. Особенно когда погода хорошая и на помойке полно еды.

– Завидуешь? – подмигнул Крохин.

– Кому? – не понял Роман.

– Ну не бомжу же, – расхохотался его визави. – Хотя... от тебя всего можно ожидать.

Крохин потянулся, брякнул наручниками о стол.

– Вижу, невесело тебе, капитан.

– Не с чего веселиться, – подтвердил Роман.

– И в самом деле. Особенно если принять во внимание тот факт, что на днях кое-где прогремит маленький, но очень громкий взрыв.

– Где? – немедленно спросил Роман.

– О! Так тебе сразу все и скажи.

– Хорошо. Твои условия?

Крохин иронично посмотрел на Романа:

– Все бы тебе работать, капитан. Нет, чтобы по душам поговорить со старым другом, вспомнить былое, посмеяться... Кстати, как поживает твой шеф, наш дорогой генерал?

– Нормально, – мрачней, отозвался Роман.

– Что просил передать лично мне?

– Догадайся.

– Догадываюсь, – кивнул Крохин. – Небось не привет?

– Не привет.

– Вот так всегда! Ты скучаешь о человеке, жалеешь до глубины души, что не можешь встретиться с ним. А он думает о тебе всякие гадости. Хоть бы ты за меня заступился, капитан.

Роман видел, что Виктор наслаждается ситуацией. Он, как опытный шахматист, сделал пару ходов, с виду совершенно невинных, и теперь с удовлетворением наблюдает за метаниями своего противника, тем более жалкими, что тот понятия не имеет, какую комбинацию ему навязали.

«Погоди же у меня, гаденыш, – думал Роман, кусая губы в притворном раздражении. – Твои игры мне хорошо известны. Понять бы только, к чему ты ведешь. А там потягаемся на равных».

– Ладно, капитан, – внезапно посерьезнел Крохин. – Недосуг мне с тобой тут ляды точить. Меня ждет полдник – я, знаешь ли, привык принимать пищу строго по расписанию. Рад был повидаться.

Он рывком поднялся, чем немало озадачил Романа – и тех, кто стоял за стеклом. Это что же, ради этого стоило вызывать агента из Москвы?

Роман едва сдержался, чтобы не потребовать разъяснений. Но не потребовал, понимая, что в набор развлечений Крохина входит и этот пункт. Он лишь закурил вторую сигарету, с насмешкой наблюдая за уходившим Виктором. Хочешь идти – иди. Никто не держит. Роман, во всяком случае, свое задание выполнил: прилетел и встретился. А дальше не его забота.

– Да, чуть было не забыл, – задержался у дверей Крохин. – Сегодня вечером, не позднее семи, я должен быть отпущен. Вместе с тобой, но без всякого надзора.

– Или? – ровным тоном спросил Роман.

– Или жди неприятностей.

– Какого рода?

– Все того же, – усмехнулся Крохин.

Вслед за тем он повернулся и наручниками постучал в дверь. Стало понятно, что разговор закончен.

После недолгой задержки конвоир открыл дверь и вывел Крохина. После чего в помещение буквально ворвался полковник Кириш, сопровождаемый обоими чиновниками.

– Почему вы его не задержали? – подскочил он к Роману, едва не махая кулаками у него перед носом.

– А вы? – спросил Роман, чуть отстраняясь.

– Но... – задохнулся Кириш. – Но вы же взяли допрос на себя!

– Это был не допрос, – поправил Роман. – Это был просто разговор.

– Просто разговор?

– Вот именно. Просто разговор. Мы встретились, поговорили. Не понимаю, почему вы так нервничаете?

Роман обвел взглядом лица собравшихся. Впрочем, господа из Совета безопасности нервными не казались. Они лишь очень внимательно слушали диалог, не делая попыток вмешаться.

– Но ведь речь шла о взрыве! – напомнил Кириш, впрочем, уже более спокойным тоном.

– Да, я помню.

– И вы должны были выяснить, где и когда он состоится.

– Что может быть проще, верно? – подмигнул Роман.

Полковник Кириш поджал губы. Не хватало, чтобы этот русский насмеялся над ним.

– Насколько я понимаю, это ваше главное поручение, – напомнил он.

– Никто не говорит, что я от него отказываюсь, – пожал плечами Роман. – Посему сразу задаю вопрос: вы готовы выполнить требование Крохина?

– Ни за что, – быстро проговорил Кириш.

Посмотрев на представителей Совбеза, Роман увидел, что те, скорее всего, будут поддерживать полковника.

– Тогда, – сказал Роман, – как же мне выполнять мое поручение?

Он достал сигарету.

– Вы много курите, – скрипуче заметил Кириш.

– Да, я знаю, – рассеянно кивнул Роман. – Так что будем делать, господа?

Он адресовался непосредственно к чиновникам от безопасности. Раз вы торчите здесь, извольте уж не играть в молчанку, а принять участие в обсуждении ситуации. Заодно и карты свои раскройте.

– Я полагаю, – напряженно заговорил первый, плотный лысый крепыш с крошечными, без оправы, очками на толстом носу, – мы не должны идти на поводу у Гольца. Совершенно ясно, что он пытается шантажировать нас. И если мы не хотим утратить контроль над ситуацией, мы должны сами навязать ему свои требования.

Роман кивнул и перевел взгляд на второго, тоже плотного, но только густоволосого и усатого, чем-то напоминающего почившего в бозе Саддама Хусейна.

Тот, прежде чем ответить, свел к переносице две глубокие вертикальные морщины.

– Мы должны выяснить, блефует Гольц или нет, – заявил он. – Если он не блефует, то мы, скорее всего, вынуждены будем выполнить его требования. Если же его игра сводится к тому, чтобы получить свободу и улизнуть, тогда мы, естественно, не должны отпускать его.

– Должны, не должны, – проворчал по-русски Роман.

На него уставились с недоумением. Он спохватился и выдавил улыбку.

– Понятно, господа, что пока он не окажется на свободе, мы ничего не узнаем. Крохин не из тех людей, чтобы делать что-то, не просчитав заранее свои шансы. И будьте уверены: если он захочет, чтобы вы его отпустили, вы рано или поздно сделаете это.

– Вы так в этом уверены, будто сами участвовали в составлении его плана, – ехидно заметил Кирш.

Роман молча закурил, не желая оспаривать мнение, переломить которое ему, похоже, все равно не под силу.

Он посмотрел на часы:

– До семи – три часа, господа. Другими словами, у вас три часа на то, чтобы принять решение.

– Но вы не высказали свою точку зрения, – напомнил лысый чиновник.

– Разве нет? – удивился Роман.

– Нет, – подтвердил второй.

– В таком случае вот оно: поскольку первое требование Крохина я выполнил в точности, то, желая сохранить элементарную последовательность, я готов выполнить и второе. Хотя, – добавил он, – своей же безопасности ради мне лучше было бы придерживаться мнения полковника Кирша.

– Стало быть, вы за то, чтобы отпустить Гольца? – уточнил лысый.

– Скажем так, скорее да, чем нет.

– Но вы понимаете, насколько он опасен? – заволновался Кирш.

– Лучше вас, – кивнул Роман.

Полковник негодуяще фыркнул. Оба чиновника переглянулись. У одного из них брови слегка приподнялись, второй едва заметно кивнул, мол, я же тебе говорил.

– Ладно, господа, – сказал Роман. – Я свое мнение высказал, а теперь позвольте мне пообедать и отдохнуть с дороги. Кстати, полковник, какую гостиницу вы мне порекомендуете?

– Вас отведут, – буркнул тот.

Он махнул рукой. Тотчас в дверях показался герр Миллер. За его спиной маячил герр Кейне.

– Отведите господина Морозова в отель, помогите ему устроиться, – распорядился полковник.

Роман не возражал против того, чтобы за ним немного поухаживали. И пускай это делалось не без соблюдения собственных интересов, сейчас он был мало обеспокоен подобными тонкостями. Понятно, что для полковника Кирша он еще надолго останется подозреваемым. И оба герра – это своего рода конвоиры, а вовсе не няньки. Ну и ладно. Главное, чтобы доставили до койко-места без сучка и задоринки. И хотя бы пару часов дали побыть одному.

Через пять минут Роман входил в холл отеля «Swisshotel Berlin». Располагался он совсем рядом с резиденцией полковника Кирша и представлял собой семиэтажное здание, построенное в стиле хай-тек.

Впрочем, внутри было комфортабельно и по-немецки рационально. Имелись даже этажи для курящих и некурящих. Роман занял милый номерок, выходящий окнами на оживленную Курфюрстендамм, наскоро перекусил в ресторане и, твердо избавившись от опеки своих надсмотрщиков, завалился в постель.

Сделал он это по нескольким соображениям. Во-первых, хотелось просто полежать на мягком после двух подряд перелетов. Во-вторых, лежа ему всегда думалось лучше. И в-третьих, едва коснувшись головой подушки, он мгновенно уснул, чего, собственно, и желал изначально более всего.

Берлин, 27 сентября, 18.15

Проснулся он ровно через полтора часа, минута в минуту. Именно так он и заказывал своему внутреннему будильнику. Из чего следовало, что организм работает исправно, и даже потрясение последнего задания не выбило его из заданного ритма.

Теперь можно было немного и подумать. Не вставая с постели, Роман закурил, поставил рядом пепельницу, благо номер был для курящих и пепельницу не пришлось сооружать из подручных средств, и предался глубоким всесторонним размышлениям.

Первое. Как ни странно, Ленья. Хотя, в общем, ничего странного, учитывая, что от Лени зависело материальное состояние капитана Морозова и соответственно вся его, в отрыве от работы, никчемная жизнь.

Итак, быстрого возвращения ждать не приходилось. Это понятно. Сегодня день пропал, завтра – скорее всего тоже, ну, и так далее, по нисходящей. То есть предсказать, когда закончится задание, Роман не взялся бы даже за вожделенные майорские звездочки. А уж чем оно закончится – один бог знает.

Но это дальняя перспектива, углубляться в которую Роман заказал себе еще в Москве.

Касательно же ближней нужно было немедленно взять в руки телефон, позвонить Лене и покаяться. Только так можно было избежать дальнейших осложнений, развитие которых закономерно приводило к разрыву со старшим компаньоном – и нищете, чего Роман боялся пуще смерти, ибо смерть была лишь скучной частью его работы, в то время как нищета была скучной частью его жизни, а это разница, поступиться которой благоразумный человек никогда не отважится.

Сообразив все это, Роман достал телефон и, невольно кряхтя, набрал номер.

– Так, давай подъезжай, – быстро сказал Ленья, ибо сегодня утром они уже здоровались, а пустую трату времени компаньон Романа приравнивал к швырянию денег из окон своей конторы.

– Прости, Ленья, не могу, – собрав все дарованное ему природой мужество, признался Роман.

– Как это понимать? – холодно осведомился Ленья.

– Да... Как всегда! Я сам не ожидал. Новое задание, начальство запрягло, ну я и...

– Понятно, – обрезал Ленья. – Значит, работаешь?

– Ну, да.

– Молодец, Роман Евгеньевич. Так и продолжай.

– Но, Ленья! – взмолился Роман. – Ты же понимаешь, что есть вещи, которые от меня не зависят.

– В этом ты прав, – зловеще заметил его собеседник.

– Но я же по-честному, ну чего ты... – по-детски заканючил Роман, чувствуя, что его партнер уязвлен не на шутку и может ударить во всю мощь, то есть наповал.

– Я не понимаю только одного: зачем обещать, если не знаешь, что с тобой будет через минуту? – едва сдерживая холодную ярость, отчеканил Ленья.

– Иногда и через секунду, – хихикнул Роман.

– Тебе смешно? – взвился Ленья.

– Нет, что ты! – спохватился Роман. – Это я так, для поддержки разговора.

– Ты полагаешь, у меня нет других занятий, кроме как разговаривать с тобой?

Тут Роману, несмотря на всю его кротость, захотелось послать компаньона к черту. Ну сколько можно еще казнить повинившегося человека? Но он, сделав над собой усилие, промолчал, и это оказалось блестящим тактическим ходом, ибо Ленья, соображавший быстрее суперкомпьютера, понял, что надо остановиться и сменить гнев на милость. Разрыва отноше-

ний он отнюдь не жаждал, и взгляды относительно дальнейшей судьбы Романа у него лежали несколько в иной плоскости.

– Ты где? – спросил он после деловитой паузы.

– В Германии.

– Ага! – негромко воскликнул Леня.

Он погонял свой «винчестер» еще пару секунд.

– Так, цветные металлы ты не потянешь... Нефть... тебе пока не надо трогать. Значит, все, что касается автомобилестроения, – выдал он. – Любые мелочи, любые сплетни, все! Это понятно?

– Понятно, Леня, еще как понятно! – благодарно выдохнул Роман.

– Сейчас у них там такие завихрения... При верном раскладе можно сорвать хороший куш. Ты слушаешь?

– Со всем вниманием.

– Тогда помни: как только что-то стоящее достигнет твоих ушей, бросай все и доведи это до моих ушей. И тогда я тебе все прощу.

– Ты сказал! – торжественно подытожил Роман.

– Все бы тебе меня на слове ловить, – проворчал Леня. – Лучше бы бросал свою синектуру и переходил ко мне. Я быстро из тебя человека сделал бы. Эх, каких бы дел мы наворочали!

– Я подумаю об этом, – пообещал Роман.

– Подумаешь... когда думать будет нечем.

– Тьфу на тебя.

– И это после всего, что я для тебя сделал?

– Прости, Леня, сорвалось.

– Как всегда.

– Ну что ты опять начинаешь...

– Все, Рома, кончаю. Дай бог тебе здоровья и всяческого процветания.

– Ну вот...

– Жду твоих сообщений. Пока.

Понимая, что это лучшее из возможных завершений разговора, Роман торопливо нажал отбой.

Все, кажись, пронесло.

Для того чтобы уж совсем покончить с телефонными делами, Роман набрал Дубинина.

– Что так долго молчал? – несколько удивленно спросил тот.

– Да... задержали немцы. Дотошные такие. Все им по полочкам разложи.

– А ты как думал?

– Да я вообще не по этим делам.

– Ну, не паясничай. Давай по существу. Встреча была?

– А то!

– Как Крохин?

– Не курит, скотина такая, представляешь? А пишу принимает строго по расписанию.

– Я тоже не курю, – заметил Дубинин. – О чем говорили?

– То есть в подробностях?

– Именно.

Роман вздохнул и довел до непосредственного начальника подробности.

– Как, думаешь, поступят немцы? – спросил Дубинин, подумав с полминуты.

– Думаю, пойдут навстречу пожеланиям любителя здорового образа жизни.

– Откуда такой вывод?

– Держится он слишком уверенно. Чересчур, я бы сказал. Как будто он не в тюрьме с браслетами на руках, а у себя дома.

– И все?

– У него четкий план. Надежный план, понимаешь? Он знает, что все будет так, как он задумал. Ты же помнишь, как у нас обучают этому делу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.